РАЗНОЦВЕТНЫЕ СКАЗКИ

Марк Сергеев живёт в Иркутске. Но его весёлые стихи для малышей, познавательные книги-путешествия и особенно книги сказок знают во всех концах России и за её рубежами. В его сочинениях живёт огромная Сибирь, шумит тайга, бескрайняя, таинственная, населённая мудрыми и озорными зверями, а в море-Байкале живёт непослушный нерпёнок и его надёжный друг — омулёк. О тайге и океане, о зверях и птицах, о деревьях и травах, о чудодейном мире сибирской природы писатель знает не понаслышке: на поезде и на самолёте, на лошади и на олене, на снегоходе «Буран» и лодке-мореходке, а чаще всего — пешком он забирался в самые дальние уголки огромного края, что лежит на востоке, за Уралом. Вот почему, когда Марк Сергеев одну из своих сказок начинает строчками: «Знают сказку лесные чащи, надо в чащах бывать почаще», он знает, что говорит.

Когда-то в отрочестве, когда было ему 14 лет и Россия была опалена войной, Марка Сергеева направили в глухой уголок тайги у Байкала, где было подсобное хозяйство кирпичного завода: были распаханы лесные поляны, на них посеян был овёс (тогда в Иркутске было мало машин и ездили по всяким делам на лошадях), картошка, чтобы был приварок в заводской столовой, турнепс, чтобы кормить коров. И всем этим хозяйством «владели» малыши — ребятишки, которым было 9—11 лет, а старшим над ними был будущий писатель. Девочки и мальчики сильно уставали к вечеру, ведь трудились они весь световой день — от зари до зари. А вечером из-за усталости наступало чувство странное, вместо отдыха хотелось озорничать, бросаться сосновыми шишками, а то и подушками. И тогда, дабы успокоить ребятишек, прекрасно понимая их состояние, Марк начинал рассказывать им сказки. Сперва это были русские народные сказки, затем пересказывались фантастические истории братьев Гримм, Андерсена, Гауфа, Гофмана. Но больше всего юным работникам нравились сказки про них самих, о том, как их труд на этой отторженной от леса, трудной, поросшей осотом и пыреем земле помогает бойцам одержать победу. Именно тогда Марк Сергеев почувствовал себя детским писателем.

Писатель выпустил более тридцати книг для детей. Наибольшую популярность получили его стихотворные сказки: «Как краски пошли гулять», «Сказка о рассеянном музыканте и бурундуке — учителе пения». Изданные вместе под общим названием «Весёлые беглецы» московским издательством «Детский мир» (нынешний «Малыш»), они имели тираж 900 000! Одним из первых послевоенных писателей Сибири Марк Сергеев выпустил в свет повести-сказки. Этот популярный жанр получил большое развитие в наши дни, когда на прилавках магазинов и лотков появилось множество повестей-сказок, сочинённых прекрасными, с мировой известностью писателями. В ту же пору, в начале пятидесятых годов, эти книги не выпускались, а своих авторов-сказочников можно было сосчитать по пальцам. «Волшебная калоша», «Машина времени Кольки Спиридонова» увидели свет в Иркутске, в Москве, во многих городах Сибири, были популярны в Японии, Монголии, Венгрии, Эстонии, Югославии. На столе у писателя, которому нынче исполняется семьдесят лет, новые произведения для детей — повесть-сказка «Везунчик», сказочные путешествия в небывалые страны. Надеемся, что они ещё придут к читателю. В этой же книге собраны сказки в стихах и в прозе, обращенные к малышам. Их читали, дорогие ребята, ваши папы и мамы и даже бабушки и дедушки, когда были маленькими. Теперь ваш черёд. Открывайте книгу. В добрый путь!

НЕТАЮЩАЯ СНЕЖИНКА

Всем известно, что деревья умеют разговаривать. Да мало кто слышал, о чём они говорят, потому что надо так полюбить лес, так надо знать в нём и каждую былинку, и каждую веточку берёзы, ёлки, сосны или кедра, будто это твой самый лучший друг, и тогда в один прекрасный день ты начнёшь понимать их таинственный язык.

В центре нашего большого города – сквер. А в самом центре сквера стоят рядом берёза и ель. Светлую, лёгкую, шумную берёзку привезли в кузове машины ещё осенью с Байкальского тракта, разлучив с подругами, а ель, пышную, молчаливую красавицу, –

из другого конца тайги. Сперва они скучали, даже болели, но доктора-садовники подлечили их, деревья округлились, подросли, но только разучились разговаривать.
Что ни делали садовники, как ни ухаживали за двумя этими деревцами – весь сквер весело гомонил под ветром, а они молчали.
У самых ног берёзы и ели стояла удобная голубая скамейка – словно кусочек неба лёг на траву. Я живу у самого сквера и очень часто сидел на этой скамейке, читал книги или придумывал сказки и порой, чтобы получше запомнить придуманное, рассказывал их сам себе вслух. Я и не думал никогда, что два деревца слушают меня, и, должно быть, никогда и не узнал бы об этом, если бы не один случай...
Помнится, я сильно устал: весь день было много работы, и я решил посидеть да помолчать на любимой скамеечке. Сидел я тихо-тихо, не шевелился, издали могло показаться даже, что я заснул. И тут раздался чей-то негромкий голос:
– Неужели он сегодня не расскажет нам сказки? Мне что-то грустно, наверное, скоро осень – мои листья дрожат и желтеют. Я замер, боясь двинуться.
– Наверное, у него тоже осень, – сказал ещё более тихий голос. – Видишь, как он одиноко сидит на этой скамейке?
– Жаль. Я уже так привыкла к сказкам...
– Не печалься, я тебе сейчас что-нибудь расскажу... Ты слышала когда-нибудь о нетающей снежинке?
– Нет.
– Тогда слушай, но только, чур, – взамен и ты мне расскажешь какую-нибудь историю. Согласна?

СКАЗКА О НЕТАЮЩЕЙ СНЕЖИНКЕ

Девочка Соня — исчезла.
Вчера ещё играла во дворе, лепила из белого декабрьского снега чудо-город — с башенками и круглыми, похожими на пасть сказочного чудовища, воротами. Но когда пришёл вечер и мама стала звать девочку домой, — Сони нигде не было. Белели в сумерках недостроенные улицы и дома снежного городка, стояла невесть откуда взявшаяся снежная баба с блестящими стеклянными глазами, а девочки Сони и след простыл.
Ночь наступила, началась пурга. Белыми петлями она хлестала застывшую землю, перегоняла с места на место сугробы, словно говорила: «Смотрите-смотрите, и здесь её нет!» — и хохотала над людьми, которые не сидят в такую круговерть дома, а ищут по городу какую-то девочку Соню.
— Соня! — кричала мама.
— С-оо-ня-ааа! — кричал братишка Серёжа.
— Сссоооныششьяааа! — передразнивала их пурга.
И на следующий день, и через неделю не удалось найти её — как в воду канула.
А новогодний праздник приближался, и в каждом доме наряжали пахучую душистую ёлку. И только в одной квартире ёлка стояла забытая в углу комнаты. Какой уж праздник, ежели этакая беда.
Надо сказать, что девочка Соня не отличалась добротой. Поэтому и друзей во дворе у неё было мало. Совсем не было друзей, если не считать приблудного кота, который днём, не пугаясь мороза, гонялся за озябшими воробьями, а чуть что — скрывался в тёмном тёплом подвале.

Теперь кот часами бродил вокруг снежного городка, вокруг белой бабы со стеклянными глазами и сердито и победоносно мяукал. Но никто не прислушивался к коту, а если бы и прислушался — разве люди могут понимать, о чём бормочут себе в усы коты?!

Как-то вечером, когда грустная мама укладывала Серёжу спать, он спросил:

— А ёлку мы наряжать будем?

— Ты маленький и ничего ещё не понимаешь! – покачала головой мама. – Какой же праздник, если беда такая?

И вдруг приоткрылась балконная дверь, лёгкий ветерок впрыгнул в комнату, запутался в занавесках, покружил у стола и бросил на ёлку пригоршню блестящих снежинок.

Уж как засверкала ёлка! Словно тысячи звёздочек загорелись на ней. А потом снежинки превратились в капельки, ёлка загрустила, и на пол с ветвей закапали слёзы.

Ёлка вздохнула и сказала:

— А всё-таки она сама виновата...

— Кто? – удивилась мама.

— Девочка Соня... Зачем она нагрубила Снежану?..

— Какому Снежану?

Снежинки на ёлке уже растаяли. И только одна – самая крупная – скатилась вниз и со звоном ударилась об пол.

— Какому Снежану? – спросила мама. Но ёлка молчала. И мама решила, что ей показалось.

Настала ночь. Серёжа уснул, и мама погасила свет, но под ёлкой что-то горело, переливалось, словно запряталась там маленькая живая радуга. Это было удивительно, и мама подошла к ёлке. На полу ослепительно сверкала крохотная снежинка. Мама взяла её в руку, и снежинка не растаяла, а, как показалось маме, стала только крупнее и погасла.

Мама осторожненько положила её на стол. И тут услышала она глуховатый голос:

— Са-ма! Са-ма! Ви-но-ва-та!

— Кто это говорит? — испугалась мама.

— Это я, стол...

— Что ты знаешь о девочке Соне?

— Знаю, что она плохая девочка.

— Почему?

— За столом она вела себя плохо. У брата, а он ведь маленький, отнимала всё самое вкусное. Всем грубит. Ногами под столом болтает. А разве она когда-нибудь вымыла посуду?..

— Но где же она?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю. Я ведь стол, а не собака-ищейка...

А потом он начал болтать всякую чепуху, так что бедная мама не знала, как его остановить.

— Эныки-бэныки ели вареники!.. – кричал стол.

— Да замолчи же ты! – кричала на него мама.

— Села муха на варенье!.. – шумел стол.

— Да прекратишь ты болтовню?! – сердилась мама.

Проснулся Серёжа от этого шума.

— Смотри, – сказала мама. – Смотри, Серёженька, какая снежинка!

Она положила на ладонь нетающую снежинку, и... стол замолчал. Тогда мама снова бросила снежинку на скатерть.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Съела муха петуха! – закричал стол.

Это всё были словечки девочки Сони. Должно быть, стол больше ничего не знал, потому что только она и болтала за обедом.
— Покажи снежинку, – сонно попросил Серёжа.
Стол снова замолчал, а снежинка в руках у мальчика засверкала разноцветными огоньками, как несколько минут назад под ёлкой.
И вдруг увидел Серёжа удивительный снежный город, высокие белые стены окружали его с четырёх сторон, белые дома, белые тротуары, белые люди в белых одеждах... А посреди пустой площади снежная баба со стеклянными глазами. И плачет она, плачет...
— Мама, – сказал Серёжа. – Я знаю, где Сонечка. Идём!
Они оделись, вышли во двор и увидели снежный городок.
— Вот она! – крикнул Серёжа и показал на снежную бабу.
— Не говори чепухи! – сказала мама с досадой. И тут увидела, что из стеклянных глаз снежной бабы бегут слёзы.
Тогда мама положила на руку снежной бабы нетающую снежинку. И баба заговорила Сониным голосом: ,
— Это я, это я сама виновата! Зачем я обидела Снежана?!
— А что ты ему сделала?
— Я назвала его дураком и ударила ногой.
— Разве так можно, доченька? За что хоть?
— Он мешал мне строить снежный город.
— Только-то и всего?
— Да, а почему он всюду лез?! Теперь я останусь снежной навсе-гда-ааа!
— Ну, успокойся, успокойся! Мы что-нибудь придумаем. Только ты скажи: кто такой Снежан?
— Это кот... Который в подвале...
Все во дворе знали этого приблудного кота. Только звал его каждый по-своему: кто – Васька, кто – Мурка, кто – Моржан. А кот и в самом деле был белый, дымчатый. Настоящий Снежан. И мороза ведь он не боялся.

Только вчера видели, как он вертелся весь день вокруг снежного городка и снежной бабы, а сегодня — исчез. В подвале, на чердаке, в тёмных подъездах искали его жильцы дома, хотя, конечно, никто не верил, что какой-то кот может превратить девочку, пусть даже злую, в снежную бабу. Но искали добросовестно. И не нашли. Тогда объявили по радио, что срочно нужен для важных целей белоснежный пушистый кот. И мальчишки, решив, что это не иначе, как по заказу космонавтов, переловили всех белых котов в городе, мама каждому из этих котов на лапу клала нетающую снежинку, но коты болтали всякую чепуху – о старых диванах, запрятанных на чердаках, где водятся превкусные мыши, о добрых хозяйках, которые никогда не выпускают их на улицу, о сметане, съеденной еще в позапрошлом году...
Снежана среди котов не было.
Серёжа не хотел расставаться с нетающей снежинкой. Он играл с ней, заставлял разговаривать свои игрушки, иногда тайком, когда никого во дворе не было, подходил к снежной бабе и разговаривал с ней о всякой всячине. И каждый раз она повторяла:
— Ах, Серёженька! Какая же я нехорошая! Как часто я тебя обижала, а ты ведь младший...
— Что ты, что ты! – махал рукой Серёжа. – Вот найдём Снежана, я ему покажу, как мою сестру замораживать.

Даже ложась спать, Серёжа не забывал о снежинке, клал её под подушку, и тогда ему снились удивительные сны. Сказочные сны!

Но однажды он забыл её среди игрушек, заигрался, устал да так и заснул в уголке. Мама уложила его спящего на постель.

Проснулся Серёжа от того, что ему приснился страшный сон: настало лето, снег побежал ручьями, и снежная баба во дворе с криком и плачем тоже начала таять.

— Серёженька! – кричала она. – Спаси меня, Серёженька!

И мальчик проснулся. И тут же сунул руку под подушку: снежинки там не было.

Тогда он встал, пошёл в соседнюю комнату, где так и остались разбросанными игрушки, и увидел белого пушистого кота, который уже сцапал нетающую снежинку и собирался бежать. Серёжа ухватил кота за хвост. Снежан стал бить мальчика лапами, царапать, но Серёжа тоже не оставался в долгу: изо всех сил он лупил кота палкой от пирамидки, не отпуская крепко зажатый в кулаке хвост Снежана.

Проснулась мама, она бросилась на помощь Серёже.

Тогда Снежан одним прыжком подскочил к дверям на балкон, двери приоткрылись, и, волоча на хвосте Серёжу, кот прыгнул вниз с четвёртого этажа.

Их подхватил ветер.

Закружилась снежная пыль, белые вихри выпорхнули из подворотен. И Снежан стал расти, делаться огромным и прозрачным, словно и не кот это вовсе, а снежное облако. И Серёжа уже держался каким-то чудом, наверное, потому, что не разжимал кулака, а может, потому, что в драке всё-таки отнял у Снежана заветную нетающую снежинку.

Они опустились на лесной поляне. Казалось, ёлки со всего белого света собрались сюда, украшенные пёстрыми лентами, стеклянными блестящими бусами, снежком и канителью. Играла музыка. Тихая-тихая. И звенели в воздухе, ударяясь друг о друга, снежинки. И стоял посреди поляны Дед Снеговик, очень похожий на кота. Если присмотреться внимательно — вылитый Снежан: такие же усы, такие же круглые глаза. И спина даже дугой выгнута.

— Отдай мне снежинку,— сказал Снеговик. – А я тебе подарю все ёлки. Видишь, как красиво?

— Не хочу я ёлок, хочу, чтоб ты девочку Соню вернул домой.

— Она же плохая. Била тебя... Игрушки отнимала. А ведь большая.

И Серёжа вспомнил, как мама подарила ему несколько дней назад ярко-красный, туго надутый шар, а девочка Соня отобрала его, стала подбрасывать вверх, а потом легла на шар и раздавила... И почувствовал Серёжа, что ноги у него заледенели.

— А помнишь... – сказал Снеговик, – как она тебя на санках катала?..

И Серёжа увидел городскую площадь, на которой собралось много ребят. Все катаются с горки. А Серёже мама не разрешила – мал ещё. И девочка Соня возит его вокруг засыпанной снегом клумбы. Потом разгоняет санки, вываливает Серёжу в снег. Пока он выкарабкивается из сугроба, ревёт – снег попал ему за ворот, за пазуху, – девочка Соня уже сама лихо катится с горки.

И почувствовал Серёжа, что руки у него тоже заледенели.

— А помнишь... – сказал Снеговик, – как она у тебя конфеты выманила?..

Понял Серёжа, что еще минута, и он сам станет снеговиком. И закричал:

— Не хочу! Не хочу! Ты и не знаешь, какая она хорошая! Она меня от мальчишек защитила? Защитила! Она меня из ямы вытащила? Вытащила!

И сразу в лесу потеплело. Под ногами Снеговика заблестела лужа, а вокруг каждой ёлочки затемнели проталины. Закричал Серёжа еще громче:

— Отдавай мне сестру! А не то я...

Он ещё и сам не знал, что он сделает, но достал из-за пазухи нетающую снежинку. Снежан сразу сжался и закричал кошачьим голосом:

— Не бросай! Не надо! Я всё сделаю!

— Ну, – сказал Серёжа. – Раз! Два!.. Два с половиной...

Снежан хлопнул рукой об руку – снежный городок, с высокими белыми стенами, с белыми домами, белыми тротуарами и белыми людьми в белых одеждах, с белым дымом, идущим из труб, появился на поляне. И хотя стены были высокими, а улицы широкими, Серёжа сразу же узнал недостроенный город в своём дворе. И он бросился бежать, пока не прибежал на площадь, где стояла снежная баба со стеклянными глазами.

— И тебе не жалко нетающую волшебную снежинку отдавать за вздорную девчонку? – спросил Снежан.

— Не жалко! – сказал Серёжа.

— А игрушки? Они ведь теперь не будут разговаривать.

— И не надо!

Снежан прикоснулся белой мохнатой рукавицей к снежной бабе – и стала она девочкой Соней.

И тогда бросил Серёжа на землю нетающую снежинку – и сразу все исчезло: и лес исчез, и украшенные ёлки исчезли, а Снежан превратился в снежный вихрь и упал на землю белым сугробом.

Взялись они – брат и сестра – за руки и отправились домой.

— Как вы долго сегодня гуляли! – такими словами встретила их мама. – А я уже и ужин приготовила... Да, тут Дед Мороз ёлку, глядите, как разукрасил!

И хотя брат и сестра знали, что никакой ни Дед Мороз, а просто это их хорошая, заботливая мама развесила на ёлке сверкающие игрушки, и дождик, и канитель, они промолчали. Им было очень-очень весело. И пахла свежей хвоей ёлка, и горели огни, и Новый год стоял на пороге.

СКАЗКА О ПЕТЕ, КОТОРЫЙ БЫЛ ШКАФОМ

Мальчики, как известно, бывают разные – большие и маленькие, тощие и толстые, умные и глупые, сильные и слабые. Бывают мальчики добрые. Петя был злым мальчиком. Он мог наступить на хвост кошке – просто так, чтобы послушать, как она визжит» он мог щёлкнуть по лбу малыша – просто так, чтобы послушать, как он ревёт, он мог перемазать углём всё только что постиранное бельё – просто так, чтобы послушать, как ругается хозяйка.

Как-то Петя вместе с приятелями поехал в лес на прогулку.

Поставили палатку, костёр разложили. Пошёл Петя за хворостом да и прихватил с собой топор. Идёт по тропинке, налево-направо топором размахивает, портит деревья – просто так, чтобы увидеть, как сок из них брызжет. А у поворота тропинки, у самой реки Ангары, берёзка стояла – светлая, нежная. Ударил по ней Петя топором и услышал стон. Обрадовался он. Ударил ещё раз. А стон сильнее. Он и третий раз ударил топором. И неожиданно берёзка исчезла, а стоит перед Петей прекрасная девушка, и из рук у неё кровь идёт...

— Знай же, – сказала она грустно, – я волшебница Берёзка. Всю свою жизнь делала я людям добро: когда страдали от жажды они, поила их своим соком, когда они мёрзли зимой, становилась поленьями их костра, когда летом изнывали от жары, прикрывала их своими ветвями. Но тебе смешно, когда плачут и стонут, и ты будешь наказан. Отныне ты будешь превращаться во всё, чему причинишь зло...

Исчезла берёзка. А Петя призадумался, да только на минутку.

— А, – сказал он, – чепуха! Тоже мне волшебница!

Набрал хворосту, стал возвращаться к палатке, где приятели его ждали, а через тропинку кошка бежит чёрная-чёрная.

— Ты мне дорогу перебегать? – закричал Петя. – Сейчас ты у меня получишь!

Бросил он хворост, да за кошкой. Догнал её, стукнул на бегу ногой, закричал:

— Ага, попалась!

А получилось:

— Мяу, мяк!

Закричал:

— Будешь знать, как мне дорогу перебегать!

А получилось:

— Му-мур мя, мяк мя, мяв-мяв-мяу!

И стал Петя злющим рыжим котом. Делать нечего. Побежал он к товарищам. А те уж обед сварили, сидят ждут Петю, ругают его: куда, мол, запропастился?

— Да тут я, тут, братцы! — кричал Петя.

А получалось только «мяв» да «мяв».

Направился Петя к своему рюкзаку – есть захотелось, аж в животе музыка заиграла. А в рюкзаке и колбаска и маслице – мама в дорогу положила.

— Глядите-ка, ребята! Рыжий котище Петькин рюкзак стащить хочет! – загалдели мальчишки. – Лови его! Лупи его!

От страху Петя на дерево залез, а в него – камни, шишки, палки. А самый лучший его друг Кузька вскарабкался наверх да как дёрнет за хвост. Взвыл Петька от боли, когти от ветки отцепил да и полетел вниз. Пустился он наутёк, забился в тёмную глухую чащу.

Страшно ночью в лесу. Ухают совы, филины плачут, волки воют, ветви шумят. И всё шорохи, шорохи. Забрался Петя в какое-то дупло, свернулся калачиком, помурлыкал немного и заснул.

И приснился ему его двор, заваленный ящиками, где так хорошо прятаться, играя в сыщиков-разбойников, и приснилась их квартира на пятом этаже, и грустная-грустная мама. Она качала головой и всё повторяла:

— Говорила я тебе, говорила...

Проснулся Петя утром – ничего понять не может. Темнота, только вверху свет пробивается. Вскарабкался к выходу из дупла, глянул вниз – земля далеко, ствол у дерева гладкий. Как забрался сюда? Вспомнил он всё, что вчера произошло, замяукал жалобно и – делать нечего – стал спускаться.

Весь день бродил он по лесу, гонялся за птицами и за бабочками, подкарауливал бурундука, пытался добраться до сорочьего гнезда, но ничего, кроме неприятностей, из этого не получилось: птицы улетали и пели про него оскорбительные частушки, бабочки перед самым носом садились на ствол дерева, складывали крылышки и становились похожими на листья – пожевал он один листок, думал, бабочка, сплюнул горькую слюну и не стал больше связываться с обманщицами. А уж от сорок ему досталось как – навек запомнит.

Только к вечеру на узенькой звериной тропинке встретил он ту самую чёрную кошку, что перебежала ему дорогу.

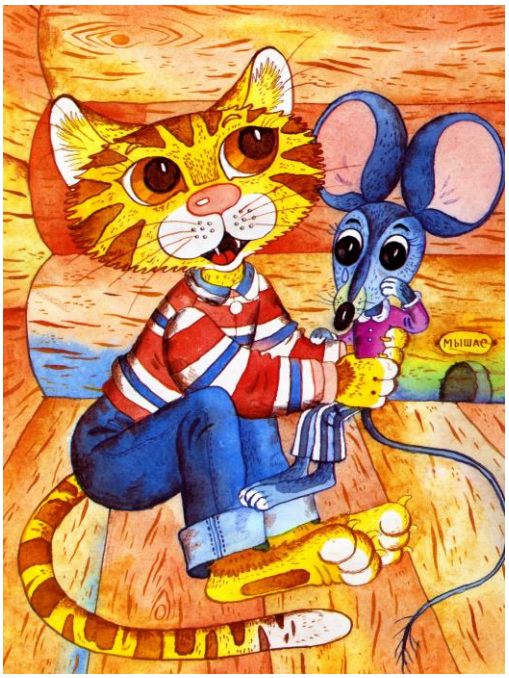
— Ты кто? – спросила она по-кошачьи.

— Кто-кто! Петя я из города Прибайкальска! – как вы понимаете, тоже по-кошачьи ответил Петя.

— О, это, кажется, очень далеко... Мне соседка рассказывала, что когда-то она жила в Прибайкальске и будто бы там высокие дома с тёмными и прекрасными лестницами. И что с крыши там можно прыгнуть прямо на Луну.

— Ха! На Луну! Туда только на ракете можно долететь.

— Что ты говоришь? На ракете? А что такое ракета?



— Ну, это такой аппарат, чтобы можно было лететь в космос...

— Вы, наверное, очень учёный кот,— смущенно сказала новая знакомая, — а я у вас напрасно отнимаю ваше драгоценное время. Я уж пойду.

— Что вы, что вы? — испугался Петя, ему совсем не хотелось одному оставаться в лесу на вторую ночь.— Я как раз хотел пообедать, так не знаете ли, где здесь поблизости столовая или кафе?

— Зачем? В доме, где я живу, всегда достаточно вкусных упитанных мышей. Да, я забыла вам представиться: Мургарита Лежебокина.

Но вы можете называть меня просто Мура.

В доме, где жила Мургарита Лежебокина, мышей и в самом деле было предостаточно.

— Вы будете охотиться у этой берлоги, а я – у той, – сказала Мура и ушла в другой угол. А Петя притаился у норы, где он явственно слышал мышиную возню и попискивание. Но мыши, видимо, чувствовали опасность

и не торопились попадаться в лапы новоиспеченному коту.

Именно в этой норе жил непоседливый мышонок по имени Мышас, которому не раньше, не позже, а как раз сейчас захотелось погулять по избе. Выполз он из норы, юркнул вдоль стены да и попал в лапы голодному рыжему коту Пете. Тут бы и смерть ему пришла. Но завизжал мышонок на весь белый свет, мама-мышь выскочила из норы и острыми зубами вцепилась Пете в бок, так что даже клок шерсти вырвала у него. Но Петя крепко держал мышонка. И вдруг почувствовал, что лапы его слабеют, что сам он становится всё меньше и меньше. И понял Петя, что становится сам мышкой.

Когда Мургарита Лежебокина прибежала из своего угла, она увидела поразительную и страшную картину: на полу лежал клок шерсти от рыжего кота, а рядом сидела крупная мышь и во весь голос ревела.

Испугалась Мургарита, побежала она по чердакам и по крышам, закричала некошачьим голосом:

— Караул! Мыши кота съели!

И собралось много кошек и много котов, и стали они гоняться за мышами. И Пете едва-едва удалось забиться в щель на чердаке, где не смогли его достать когтистые и страшные лапы его недавней подруги.

Так стал Петя жить на чердаке.

Иногда, когда хозяева спали или их не было дома, он пробирался тихонько-тихонько в кухню, притаскивал к себе на чердак кусочек хлеба или сыра — и тогда у него был пир горой.

Как у всех мышей, у Пети начали быстро расти зубы. Росли и чесались, чесались и росли... Ну, просто невмоготу стало. А на чердаке стоял красивый старинный шкаф – тёмно-вишневый, с выпуклыми тонкими цветами на дверцах, с точёными ножками. Вот эти ножки и стал грызть Петя – когда мышь грызёт дерево, зубы у неё перестают чесаться и сами затачиваются. На этот раз он превратился в шкаф. Вот бы удивились хозяева, если бы залезли на чердак, – вместо одного рядышком стояло теперь два совершенно одинаковых, как близнецы, шкафа – оба с точёными ножками, с выпуклыми цветами на дверцах.

Теперь у Пети было сколько угодно времени, чтобы подумать обо всём, что случилось.

«Неужели я так и останусь на всю жизнь шкафом?» – размышлял он. Если судить по тому, сколько пыли лежит на старом ободранном диване и хромоногой этажерке, то люди сюда не заглядывают вовсе.

Потолок был не слишком толстый, и на чердаке было слышно всё, о чём говорили в квартире. И вот Петя услышал, что в дом вошли его друзья и спросили у хозяйки:

— Не встречали вы парнишку одного, Петей зовут?

Закричал Петя:

— Я здесь, ребята, здесь!

А послышался только громкий-громкий скрип.

— Чегой-то шкаф расскрипелся. К непогоде, видать, – сказала хозяйка. — Нет, не видела я тут парнишки никакого, да и в соседних домах как будто не появлялся. Случилось чего, али как?

— Пропал. Ушёл за дровами ещё днём вчера и пропал. Сперва мы думали, шутит он, спрятался где-нибудь или придумал пакость какую-нибудь...

— Он на это мастак! – это Кузька добавил.

Лучший друг называется.

— Тоже мне друзья, – заворчал Петя и передразнил: «На пакости он мастак!» Но никто этого ворчания не услышал, и только хромоногая этажерка недовольно буркнула:

— Ну что вы всё ворчите? Ну что вы всё ворчите? Спать не даёте!
Ах, какой здесь был покой! Ах, какой покой!..
«Погоди, – подумал Петя, – вот стану я снова человеком, я тебе, задавала, покажу покой. Я тебе последние ножки переломаю».
И вдруг представил он себе, что и в самом деле стал он ломать этажерку, да и превратился в неё. И совсем другими глазами посмотрел Петя на своих соседей по чердаку. Вот шкаф. Когда-то он был, вероятно, украшением всего дома. Его поставили в самой большой комнате и боялись дохнуть на него. И каждая царапина на его смуглой коже вызывала у хозяев огорчение. А потом он потрепался, дверцы расклеились, зеркала пооблезли... Или этажерка... Когда-то на ней так уютно и удобно разместились книги. Потом их становилось всё больше, её крепкие плечи не могли удержать такой тяжести, ноги подкосились, планочки оборвались. Для книг купили новые полированные полки, а этажерку – на чердак.
Так целыми днями стоял Петя, стараясь не скрипеть, чтобы не будить старую больную этажерку, к которой он стал относиться даже нежно, думал свои думы, вспоминал о том, сколько он принёс людям всяческих неприятностей, и даже не сердился больше на друзей.
Однажды ночью случилась беда.
Два провода, которым давным-давно хотелось обнять друг друга, наконец соединились. Посыпались искры, и произошло самое настоящее короткое замыкание. Искры посыпались на сухой мох, что высовывался изо всех щелей, мох вспыхнул, от него загорелись доски. И начался пожар.
«Ну вот, – подумал Петя. – Теперь мы сгорим. Ну, я-то хоть провинился – собак таскал за хвосты, стёкла выбивал из рогатки, у малышей пряники отбирал, берёзку вот зря порубил. А шкаф и этажерка, и все старые вещи на чердаке, в чём они виноваты?»
И только он так подумал, как увидел перед собой девушку в зелёном платье. Лицо её было очень знакомым.

— Не узнаёшь? – спросила она.
— Ой, Берёзка! – закричал Петя.
Берёзка протянула к нему руку-веточку, прикоснулась зелёным листком.
— Ну вот, – сказала она и растаяла.
Петя даже поначалу и не понял, что с ним произошло. Просто снял он курточку свою и стал сбивать огонь, гасить мох. Руки обжёг, сажей весь перемазался, но пожару не дал разрастись.
Благодарно крякнул шкаф, что-то нежное сказала Пете этажерка, но он не понял, о чём они говорят, потому что был уже не платяным шкафом, а самым обыкновенным мальчиком.

СКАЗКА О ТОПОЛИНОМ ПУХЕ

Есть такая трава – перекати-поле, она похожа на большие зелёные птичьи гнёзда, лежащие на земле. К осени травяные шары темнеют, отвязываются от почвы и катятся на юг и на север, на запад и на восток – куда ветер подует. Бывают и люди, что потеряли связь с родным местом, где жили их деды-прадеды, и ветер жизни носит их с места на место, из города в город, из деревни в деревню в поисках счастья, или лёгких денег, или какой-то особой, небывалой жизни, которой и нет нигде на земле. Кто знает: как это начинается? В какой день? В какой час? В какую минуту странную? Жил-жил человек, хлеб сеял, картошку садил, плотничал или водил

трактор, а вдруг сорвался, с места, отца-матери не послушался, добрыми советами товарищей пренебрёг, и носит его по земле, как траву перекати-поле.

Так случилось и с Андреем, сыном Варвары-ткачихи, что ткала на всё село ткани, похожие то на степь весеннюю, цветами усыпанную, то на небо осеннее, осыпающее звезды, то на море бурное, взметнувшее белопенные волны. Может, глядя на эти волшебные полотна, мечтал ещё мальчишкой Андреюха своими глазами увидеть и степи в цвету, и море во гневе, и многое ещё, что пригрезилось ему, когда вечерами наблюдал он за тем, как течёт из-под мерно постукивающего ткацкого станка матери живая жизнь, которую потом разрежут да нашьют платьев и рубах праздничных да всякой всячины ребятишкам.

Как бы то ни было, а в день, когда исполнилось ему семнадцать лет, взял он мешок заплечный, побросал в него кой-какой еды, спички да соль, одежонку на перемену, охотничий припас не шибко богатый и поклонился матери: прощай, дескать, пойду искать себе доли.

И плакала Варвара-ткачиха, и просила, и уговаривала – всё напрасно. Всю ночь сидела она за станком своим ткацким, а на зорьке проводила сына и сказала:

— Здесь выткано самое лучшее место на земле, найдёшь его – будешь счастлив, не найдёшь – пропадёшь, как трава зимой.

Развернул Андреюха чудо-холст, глянул и хмыкнул: не море там было, полное кораблей, не небо, полное птиц, не степь, полная цветов, а небольшая деревенька, приткнувшаяся к озеру, две не больно длинные улицы, упирающиеся в лес. Виднелась она как бы сверху, что-то напоминала Андреюхе, а что именно — на ум не приходило. Сколько же таких деревенек раскидано по всему белому свету, неужели все обойти придётся, чтобы счастье-то сыскать?

Однако же поклонился он матери, избе родной, попрощался с соседями – да и в путь.

На выходе из села подбежала к нему девочка лет шести, не больше, вроде Ивана Прохорова дочка, из крайней, покрытой камышом избы.

— Уходишь? – спросила она.

— Ага, милая, ухожу.

— К свадьбе-то возвращайся!

— К какой это свадьбе? – усмехнулся Андреюха.

— Как к какой? К нашей с тобой...

— А... – захохотал парень, – тогда конечно, тогда уж непременно приду.

— Смотри не обмани, – серьезно сказала девчушка, – я тебя ждать буду.

— Скажи хоть, как звать-то тебя?

— Марютка. Так ты возвращайся, я тебя очень люблю.

Вышел Андреюха на поскотину, в лес вошёл по дороге наезженной и всё ухмыляется: что за девчонка чудная?

Сел он на дерево, бурей поваленное, рушничок разложил, на него снедь припасённую. Ест, водой из фляги запивает. На холст материнский глядит. А на полотне и не деревенька вовсе, а степь лежит просторно, радостно. Что за чудеса!

Три дня и три ночи шёл Андреюха через лес, спал под кустом у костерка, чай покруче заваривал, думал: куда дорога приведёт? А на четвёртый день, на заре, лес кончился и открылся простор во все стороны: никогда не видел враз Андреюха, выросший среди лесов, так много неба и так мало земли. В небе играли облачка, а по степи их тени двигались, и травы, и цветы то горели на солнце, то угасали, едва облачка закрывали от них свет. И пахло чебрецом, и ромашкой, и ещё какими-то настоями лета, и бередил душу этот незнакомый мир.

Тут дымком потянуло откуда-то. Видит Андреюха за кустами костёр, а у костра косари

сидят завтракают, или, может, уже обедают, потому что на покосе день трудовой рано начинается – «коси, коса, пока роса, роса долой – и мы домой». Но домой косари, видимо, не собирались, потому что чуть в стороне стоял их балаган, где они отдыхали в самый зной и ночевали.

Поздоровался Андреюха. Бойкая девчонка-повариха плеснула ему в миску щей, да таких густых, что мать такие варила лишь по праздникам. Посидели, поговорили о том о сём да и за работу. Взялся и Андреюха за косу, да так ловко у него получилось: чуть присмотрелся к соседу слева, к соседу справа да так повёл прокос – споро, чисто, травка к травке ложится, коса под самый корешок их режет, а земли не касается, словно только тем всю жизнь и занимался парнишка, что косил.

— Ну и здоров же ты работать! – похвалил его таборщик вечером.

— Может, останешься с нами хотя на время покоса, а? – ласково поглядела на него девчонка-повариха. И такая улыбка была у неё ясная, и так порозовели от волнения её щёки, а может, то заря вечерняя их осветила, что дрогнуло сердце у Андреюхи, и сказал он, глядя в степь:

— А чего не остаться?

Однако прошёл день, другой, третий – и затосковал парень, скучно ему стало: коси, коси – с утра до ночи всё одно и то же. И работа для него не трудна, и девчонка-повариха ему нравится, да и он ей, видно, тоже, а радости нет.

— Уходишь? – удивилась девушка на следующей ранней зорьке.

— Ты как догадалась? – удивился Андреюха, он хотел уйти ночью, потихоньку, чтобы людей не беспокоить да и на вопросы их не отвечать.

— Сердце вещее подсказало. Ну что ж, на то и крылья, чтобы летать. Жаль, конечно, очень уж ты мне понравился. Однако держать не стану. Вот тебе на память ромашка неувядающая. Как захочешь куда вернуться, ну к нам, скажем, так ты оборви каждый третий лепесток, до тех пор, пока ни одного не останется, и приговаривай: «лепесточки-лепестки, станьте крыльями моими, отнесите поскорее во загаданное место!» Ну прощай!

Она ушла к табору, а Андреюха долго глядел ей вслед. Остаться, остаться бы здесь навек. Чем не счастье: и работа славная, и жена бы красавица была. Да не сидится ему на месте, хочется неведомо куда, увидеть неведомо что.

Дошёл парень до перелеска, увидел родничок, сел близ него на камень, рушничок расстелил, еду разложил, да захотелось ему на холст материнский взглянуть. Развернул его, а он чист и бел, как первый снег: ни деревеньки на нём, ни степной красоты разнотравной. Пусто на его белом просторе, как в душе у Андреюхи сейчас.

Поел парень, завернул в материнский холст неувядающую ромашку и заторопился в путь.

День он шёл, и другой, и третий.

Развязал он мешок свой заплечный, чтобы пообедать, а там ни крошки. Попил Андреюха водицы родничковой, утёрся рушничком да материнский вещий холст развернул, а он — синий-пресиний, как ночное небо. И звёзды на нём вытканы, и месяц нарядный, и земля ночная, и река голубая, лунным золотом расцвеченная.

Шёл он до ночи и увидел реку широченную, быстролетящую, в бурунах да перекатах. И горы стоят над ней, как синяя стена, и дом у самого подножья одной из них манит золотым окошком: иди-иди, не бойся, путник ночной, для того и свечусь, чтоб приманить

тебя, обогреть. Так показалось Андреюхе. И пошёл он к дому, в дверь постучал.
Отворил ему старик — высокий, полный, могучий, что кедр лесной, борода до пояса, белая, как холст материнский давеча.
— Входи, – говорит, – гость нечаянный, рады тебе, праздник у нас сегодня: дочери моей шестнадцать исполнилось.
Вошёл Андреюха в дом, а там пир горой: что ягоды на столе, что медвежатины, что грибов в блюдах глиняных – горы. Человек с десяток за столом: все высоки, могучи, словно кедры лесные, бороды у всех – у кого седая, у кого пегая, у кого рыжая, а у кого и чёрная, как крыло вороново, вроде немолодые все и похожи друг на друга. А в торце стола девица сидит большеглазая, румяная, волосы золотые стекают на плечи, как две реки чистые. Поднимается хозяйка молодая и говорит:
— Просим к столу, гость ночной, парень удалой. Садись меж дядьями моими, отведай, что припасти смогли. Настойку испей из сорока трав, силы прибавится.
— Садись, – добавил отец, – ешь, пей да о себе расскажи, откуда, куда, зачем, по какой надобности идёшь? Ежели не секрет, конечно.
— Какой может быть секрет от добрых людей? — улыбнулся Андреюха. Сел он, настойки выпил, почувствовал, как по жилочкам сила пошла. Медвежатины отведал, грибочков да ягоды, рассказал, что идёт из родного села лесного, что за степью обширной осталось, да о матери своей Варваре-ткачихе, да о том, как ушёл он счастья искать на белом свете.
— А чего его искать? – сказал старик. – Вот оно, рядом: и горы, и река, и краешек степи, всем угодливо – и тем, кто высоту ищет, и тем, кому простор нужен.
— Утро вечера мудренее, – засмеялся Андреюха.
– И то правда, – ласково произнесла именинница. И налила в стакан гостя ещё какой-то настойки травной, желтой, от лунных лучей, что ли, золотистой. Выпил Андреюха, и стало его в сон клонить. Как ни боролся, а всё же отошёл в уголок, лёг на лавку, так утром и проснулся. Свежий проснулся, бодрый, силушки прибавилось – а всё от настоек праздничных, от трав целебных, от воздуха горного, от пряности степной.
Проснулся он, а хозяева его за стол просят, позавтракать. Едят не торопясь, но резво: работа ждёт.
— Камни тешем для домов, для дворцов королевских.
— А можно и мне попробовать?
— Отчего же не попробовать, коли желание есть.
А за рекой скала стояла высоченная, чёрная. Вот подошли к ней братья-каменоломы да каменотёсы, стали огромные глыбы отваливать, потом ловким сильным ударом ровные, как большие кирпичи, куски отбивать. Самые молодые в клети их складывают: сто штук – квадрат, тысяча – клеть. Сперва Андреюхе эту работёнку доверили, потому что каменотёсное мастерство серьёзной науки требует. Однако к вечеру глядь, и он наловчился, да такие камешки ровные готовит – на удивление. Видно, дала ему талант рабочий Варвара-ткачиха, да характера не дала.
Вот пришли они на ужин, девушка их к столу приглашает, а сама глаз не сводит с гостя: уж очень хорош парень, а тут ещё дядья его нахваливают – за день освоил ремесло, которому другие годами учатся.
— Может, останешься да поживёшь у нас? Не тут ли счастье твоё заветное? – предлагает хозяин.
Андреюха глядит на девушку, а та зарделась, глаза светятся, на лице ожидание написано.
— Попробую, – отвечает он. – Авось и впрямь не зря ноги бил по лесам да степям.
Работает он вместе с дядьями, с каждым днём всё искуснее, им на удивление. Вернётся, девушка из ковшика ему поливает, чтобы помылся он, да к столу зовёт. Андреюха ест не ест, всё на неё смотрит. И так хорошо у него на душе.
Однако прошла неделя, другая, третья – затосковал парень. Скучно ему стало: ломай, ломай – с утра до ночи всё одно и то же. И работа для него не трудна, и девушка ему нравится, да и он ей тоже, а радости нет.

— Уходишь? – спросила она, когда вечером после ужина присел он на крылечке.
— А ты откуда знаешь?
— Сердце вещее подсказало. На то и счастье, чтобы его искать. Жаль, что не здесь. Жаль, что не со мной. Вот тебе на память цветок, кукушкины сапожки называется. Неувядающий цветок. Как придёт беда – брось его на воду и приговаривай: «Вы, кукушкины сапожки, выручайте из беды, из огня да из воды». Ну, прощай!
Вернулась она в дом, мешок его заплечный вынесла, сказала, что пирог ему испекла в дорогу еще утром – на три дня хватит. И пошёл он к реке, по мосточку на ту сторону перешёл, а через часок уже был в горах. Разжёг он костёр под скалой, такой же чёрной, как та, что с отцом и дядьями девушки они в камень превратили, и показалось ему, что скала отодвинулась от него и вздохнула. А может, это вздохнула ночь, да так, что звёзды в небе вздрогнули. А может, это и сам Андреюха так громко вздохнул, что эхо пошло по горам. Смотрит он в костёр, а струйки огня, словно золотые волосы вьются, в небо глянет – звёзды её глазами на него смотрят. Да не такой был парень Андреюха, чтобы вернуться. Едва дождался рассвета да и побрёл через перевал куда глаза глядят.
Пришло время обеда. Остановился парень у горного источника. Какой-то добрый человек вокруг бьющего у дороги ключа большую чашу сложил из чёрного камня. Нагнулся Андреюха, чтобы воды испить, да и замер: из воды на него глядел какой-то мужик тридцатилетний, бородой кудлатистой обросший, вроде он, Андреюха, а вроде не он. Пощупал парень подбородок — точно, за ночь борода выросла. Ну и чудеса!
Поел он дарёного пирога подорожного, развернул холст материнский волшебный. А он белый, как снег на вершинах: ни деревеньки, к воде примкнувшей, ни степи немеряной, ни ноченьки златотканой. Бел холст, словно кто специально материнский рисунок вытравил. Вздохнул Андреюха, завернул в холст ромашку неувядающую да кукушкины сапожки и двинулся в путь: время-то, оказывается, бежит!
Много ещё дорог исходил Андреюха в поисках счастья. Был плотником и кузнецом, пас овец, строил дома, там месяц, там другой, третий, там год, другой, третий, а в одночасье опостылеет ему работа, в которой наловчился, махнёт он на всё рукой, да и в путь.
И пришёл он однажды к синему морю.
Холст материнский развернул, а на нём город небольшой каменный выткан, порт весёлый, белопарусные корабли.
— Здесь моё счастье! – обрадовался Андреюха.
И отправился в порт.
— Эге-гей-гей! – крикнул Андреюха капитану первого же судна, что, распустив паруса белоснежные, покачивалось на рейде. – Эге-гей!
Куда путь держите?!
— В страны далёкие, в земли невиданные! – кричал в ответ капитан – маленький толстый мужичонка с бородой, на мочалку похожей.
— Это по мне! – решил Андреюха. – Меня-то возьмёшь?
— А что делать умеешь?
— Да выходит, что всё, за что ни возьмусь...
— Такой молодец мне годится, поднимайся-ка сюда по трапу. Взошёл Андреюха на корабль, тут ветер подул, паруса туго-натуго натянул, и полетел корабль по морю синему в края далёкие, земли невиданные.
Хороший матрос получился из новичка. Никакой работы не боялся: паруса поднимать – поднимал, палубу драить – драил, сеть ставить, чтоб рыбу ловить на пропитание команды, – ставил, и всегда счастливо. Дала матушка ему и в самом деле талант к работе.
И задумался как-то Андреюха: где она? что с нею? И достал из мешка своего заплечного подарок материнский, холст переменчивый. Развернул его, а холст чёрный, чернее ночи над степью, чернее скалы, что они на камни разбивали, чернее туч, плывущих над кораблём.
И понял Андреюха, что он теперь один-одинёшенек на белом свете. Что нет его

матушки Варвары-ткачихи, не засветятся её глаза радостью при встрече, не загорится больше холст, вытканный ею в ночь перед прощанием, не засветится переменчивыми красками, а навсегда останется чёрным. Взглянул на себя Андреюха в зеркало, что висело в матросском кубрике, – старичонка какой-то взглянул на него из светлого стекла, бородёнка клочком, нос крючком, глаза безрадостные. И в самом деле: какие страны не повидал, в каких землях не был, какие работы не перепробовал, а счастья-то нет, как нет. Ау, счастье! Где ты? Ау, завещанная матерью деревенька! Где ты?

Бросил ночью на воду Андреюха цветок – кукушкины сапожки, приговаривая: «Вы, кукушкины сапожки, выручайте из беды, из огня да из воды». Цветок морской волны коснулся да и оборотился лодкой, на башмачок цветка веснушчатый похожей. Парус – зелёный листочек над ним затрепыхался, тычинки вытянулись мачтами, спустился по мачте вниз Андреюшка, зелёные паруса поднял, и корабль его славный да забавный понёс его прямо-прямо по бурным пучинам и вовсе не в ту сторону, куда дул ветер.

«Забавно, – подумал Андреюха, – а, пусть себе плывёт, куда кривая вывезет».

На рассвете прибило странное судно к берегу. Дорожка, выстланная мраморными плитами, начиналась у самой воды. Взвалил свой походный мешок на плечи наш путешественник да и пошёл, куда дорожка эта повела. Видит: дворец стоит из чёрного тёсаного камня. Не из того ли, что он и сам когда-то добывал в горах, чёрную скалу ломая? Перед дворцом – тополиная аллея, ровненько в два ряда вытянулись стройные, красивые деревья, а между ними стоит стол, скатертью накрытый, яствами уставленный. И что за диво: старики за ним сидят, по одну сторону все, и вроде бы знакомые на лицо. Подошёл Андреюха. Поклонился, поздоровался.

Старики все высоки, могучи, словно кедры лесные, бороды у всех – у кого седая, у кого пегая, у кого рыжая, а у кого и чёрная, как крыло вороново, и похожи друг на друга. А в торце стола девушка сидит большеглазая, румяная, волосы золотые стекают на плечи, как две реки чистые.

— Садись, – говорит она, – гостем будешь на моей свадьбе.

А и впрямь с ней парень сидит, лицо доброе, плечи могучие, от радости светится весь.

«Эх, – подумал Андреюха, – дурак я дурак! Уж, поди, дети бы у нас были, мальчишки да девчонки бегали бы по этому дворцу, собственным трудом построенному. А я всё счастья искал...»

Загорюнился он, сидит, молчит, ест да пьёт, не замечая ничего.

А тут тополь, что ближе всех к столу был, расшумелся, ветвями замахал, и полетел над землёй да над морем пух белоснежный. Ветер его подхватил, закружил, понёс в разные стороны, одна пушинка и угодила в стакан Андреюхин, проглотил он её вместе с настоем из трав. Голова у него вдруг закружилась, слова не говоря встал он из-за стола, какая-то неведомая сила потянула его к тополям, подошёл он к крайнему, к тому, что стоял ближе всех к морю, шагов десять не дошёл до него и чувствует – двигаться дальше не может. Глянул вниз, под ноги, а там – ствол тополиный, хотел руками взмахнуть – ветви зашелестели над ним.

Сперва была тишина, потом негромкий, словно шелест, голос:

— Нашего полку прибыло.

Впал в беспамятство Андреюха, словно дерево зимой, замер. Хоть и стал он тополем, однако же на земле лето стояло, жара была нежная, неожогливая. Очнулся он и услышал тот же негромкий шелестящий голос:

— Привет, парень.

Оглянулся, а это соседний тополь ветку к нему тянет. Протянул Андреюха и свою ветку, поздоровался и спрашивает:

— Давно так стоите?
— Давно.
— Тоже счастья искали, жизни небывалой, где можно не работать, а лишь яблоки да халву есть?
— Ох, искали, дядя! — вздохнул тополь, что напротив стоял.
— Может, про себя сперва расскажешь, старичок? – попросил третий. – Ты все же новичок в нашей компании.
— А что не рассказать? Могу и рассказать, стоять-то нам, видать, долго, аж пока не помрём. Делать-то нечего, только разговоры и разговаривать.
Стал он по порядку всё вспоминать: как мать его отговаривала уходить и как холстом живым, переменчивым наградила, про степь да про горы, про моря и страны разные, где побывал, чего повидал. А счастья-то нет. Кабы найти деревеньку, что на холсте была выткана, кабы матушка жива была...
Стали и тополя ему свои судьбы сказывать. Ещё похлеще, чем у него, скитания им выпали – на юг да на север, на восток да на запад: с полным сердцем ушли, с пустым пришли к столу этому заколдованному.
Так стоял он день, и другой, и третий, и неделю, и месяц, и год. Всё выше становился, всё толще, всё раскидистее, ветки его тянулись к небу, да высоко это небо, не дорастёшь, не достанешь.

Вот уже и море ему видно стало, может, не всё, может, и не половина, а большой всё же кусок простора бурного да манящего. Свои дороги увидел Андреюха, словно кто написал их на воде вилами. Ну и поплавал, ну и попетлял.
За годом другой миновал, и третий, и десятый. И стала видна Андреюхе река, голубая, светящаяся ночью, и небо над ней, звёздами расшитое, как на матушкином холсте, и домишко, огоньком его приманивающий: иди-иди, не бойся, путник ночной, для того и свечусь, чтоб ободрить тебя, обогреть. И пошёл бы, с радостью пошёл бы, да ног нет, крепко сидят в земле тополиные корни. Что же? Кого винить? Сам кругом виноват.
Ещё десять лет прошло, да ещё десять. По крайней мере так Андреюхе казалось. Ещё выше он поднялся над землёй, не дерево, а великан небывалый. И стала ему видна степь, и балаган косарей, и старуха, хлопочущая у печки, да трое дочек её, а самая младшая — ну точь-в-точь девчонка-стряпуха, что ромашку ему подарила. И ноги бы были, и руки бы были, а как теперь к ней вернёшься — жизнь-то прошла, замужем стряпуха, дети вон какие славные. Счастливым мог быть, девчонки его дочерями звались бы. А кто виноват? А никто — сам.
Вот стоит он, стоит и в одно прекрасное утро думает: как хорошо на одном месте жить: всё рядом, разом с тобой растёт, всё дружно меняется, постепенно, не сразу, не горько, когда юный становится молодым, молодой зрелым, зрелый пожилым, солидным, что-то сделавшим в жизни: дом построил, сад посадил, детей вырастил. Хорошо! А он гонялся за ветром в поле, за облаком в небе, за волной в море — и что?
А под вечер того дня издали он увидел деревеньку среди леса, к озеру приткнувшуюся, в две улочки. И тут осенило Андреюху, что мать на холсте свою родную деревеньку выткала, что в ней и есть его счастье, навек потерянное.
С тех пор стал он день за днём всматриваться в каждый дом, узнавать их, начал с одного краю, до своего дома дошёл. И показалось, что ходит кто-то по двору. Не мать ли Варвара-ткачиха?
Задумался Андреюха: может, холст-то почернел, потому что ему самому смерть пришла. Тополь хоть и живое дерево, да всё не человек. И легче на душе у Андреюхи стало, стал он голосом тополиным своим каждый день кричать: матушка, матушка!

Смотрит дальше он глазами зоркими, все ветви в родную сторону протянул, и показалось ему, что стал слышать он и петушиное пение, конский топ, и мычание стада, идущего на водопой...

Наконец высмотрел он и прохоровскую избу, самую крайнюю. Ту самую, из которой девчоночка выбежала, Марютка, да сказала: «Возвращайся обязательно на нашу с тобой свадьбу».

А свадьба, видимо, близится: вон уж и сваты во двор входят, на рушнике хлеб-соль родители Прохоровы выносят. А вот и Марютка. Тут дух у Андреюхи захватило: сколько видывал он красавиц, пока по земле да по воде скитался, а такая и не снилась: высокая, да ладная, да стройная, волосы русые кудрявятся, глаза тёплым светом греют, руки, как крылья у лебедушки, а голос в душе отдаётся, как шум вешнего ветерка, как журчание реки, как утренняя песня жаворонка.

Кланяются сваты, родители радость выказывают...

— Не пойду я замуж, не невольте! – говорит Марютка.

— Да почему же, доченька? – расплакалась мать.

— Андреюху жду, парня моего любимого.

Такая боль пронзила Андреюху, словно молния ударила в тополиное дерево, да рассекла его до земли, да в самое сердце огнём угодила.

— Ну вот что, – сурово сказал отец, – день сроку, и быть свадьбе. Унесла нелёгкая парня твоего из села, где он бродит, где скитается, может, и женат давно. Десять лет, поди, миновало. «Десять лет, – подумал Андреюха, – а для меня – все сто».

Сели в телегу, уехали сваты, вошли в избу родители, а Марютка глядит в сторону Андреюхи, плачет и кричит:

— Где ты, милый мой. Где ты, Андреюха, где ты?

— Здесь я, здесь! – закричал что было мочи Андреюха, и услышал свой голос, и взрогнул, и кора с него осыпалась. Стоит он у тополиной аллеи, и у ног его мешок лежит заплечный.

Разворачивает Андреюха холст материнский, а на нём деревенька его родная, в две улицы, сверху видная, достаёт он ромашку невянущую, добром припоминает повариху-девчонку, такой подарок ему сделавшую. Обрывает он торопливо лепестки – каждый третий — да приговаривает: «Лепесточки-лепестки, станьте крыльями моими, отнесите поскорее во загаданное место!»

Ветер подхватил его, точно листок тополиный, поднял к облакам да тихонько опустил посреди Прохорова двора.

— Здесь я, Марьюшка, здесь я, милая! – закричал Андреюха.

Бросилась девушка к нему, обняла, поцеловала крепко:

— Пришёл, пришёл, пришёл! Идём в избу, родителям поклонимся, мужем моим станешь.

— Да какой же из меня муж, Марьюшка? Смотрика получше: стар я стал, по земле мотаючись, как перекати-поле...

— Ты-то стар? Да пошли в избу, в зеркало хоть взгляни!

Посмотрел Андреюха в зеркало – глазам не верит: молодой, бравый парень в стекле серебряном.

Долго в тот вечер не гас свет в доме Варвары-ткачихи, долго гости не расходились, слушая рассказы о скитаниях Андреюхи.

— Так бы и носился по свету, как листок оборванный, если бы не тополиный пух. Придержал он меня на месте, время дал о себе да о жизни подумать. Вот и вернулся.

Счастливо жили Андреюха да Марьюшка. А когда сын у них родился – первенец, – посадили они возле дома тополиный пух: пусть растёт дерево, напоминая им и детям их всё, что было, да всё, чего не было.

ВЕСЁЛЫЕ БЕГЛЕЦЫ

КАК КРАСКИ ПОШЛИ ГУЛЯТЬ

Ты, наверное,
любишь забавные сказки?
Вот послушай-ка:
жили на свете три краски:
краска жёлтая – цвета созревшего хлеба,
краска синяя – цвета весеннего неба,
краска красная – цвета рассветной зари.
Жили-были три краски –
подруженьки три.
У Художника были они в услуженье
и работали дружно, не ведая лени.

Он откроет коробку и скажет:
– Вылазь-ка!
Сразу синяя, красная, жёлтая краски
и весною, и летом, и в зимнюю стужу –
ничего не поделаешь – лезут наружу.
И с утра и до ночи, с утра и до ночи
краски делают всё,
что Художник захочет.

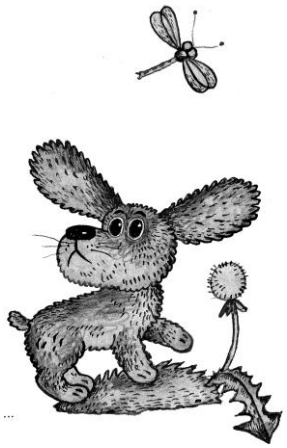
Раз Художник уснул
в старом кожаном кресле,
и приснилось ему,
будто краски исчезли.
Всё вокруг потемнело,
весь город – как в саже.
Стали чёрными люди,
и солнышко даже,
и стволы у берёз,
и весёлая речка,
и взлохмаченный пёс,
что сидел у крылечка.

Всё, что было зелёным,
оранжевым,
белым, –
точно ваксой покрытое,

вмиг почернело.
И в потёмках
шагают вперёд без опаски
красная,
жёлтая,
синяя краски.

Бродят подруги
по тёмной округе,
падают в ямы
во мраке
подруги.
Солнца не видно,
а ведь без него
и на земле
не видать
ничего.

Жёлтая краска ворчит:
– Не годится!
Девочки,
так же легко заблудиться!
Солнце я снова покрасить хочу…
Влезла по лестнице
на каланчу.
Солнышко будто бы вымыли мылом –
стало таким оно чистым и милым,
заулыбалось оно, пожелтело
и принялось моментально за дело.



Стало жёлтым-прежёлтым
пшеничное поле,
и песок во дворе,
и стена в новой школе,
и подсолнух,
что рос
на пригорке у речки,
и взлохмаченный пёс,
что дремал на крылечке.

Так шагали-гуляли подруги без цели
и такую хвастливую песенку пели:
«Знайте, взрослые и дети:
мы – важнее всех на свете!
Если б только нас не стало бы, –
вмиг исчезли все кварталы бы,
и без нас бы не было
ни домов, ни мебели.
Знайте, взрослые и дети,
всё исчезло бы на свете –
и трава зелёная,
и лесные лилии,
и дворцы с колоннами
под густыми клёнами,
и автомобили,

и красивые дома –
двадцатиэтажные,
потому что мы на свете
самые важные!»

Все вокруг закричали:
– Потеха!
Все вокруг закачались
от смеха.
А дырявый мосток – две дощечки –
возмущённо воскликнул:
– Да ну?!
Вот возьму хвастунишек да в речку,
да в холодную воду столкну!

Закачался мосток,
зашатался мосток,
и пустились подруги
стремглав наутёк.
Только синяя краска
от ужаса
зацепилась ногой за сучок.
Тут мосток
поскорей поднатужился,
краску в речку столкнул –
и молчок.

А синяя краска по речке плывёт.
А синяя краска на помощь зовёт:
– Спасите! – кричит. –
Помогите в беде,
я очень худею
в холодной воде!

Плывёт она синей гусыней,
и речка становится синей.

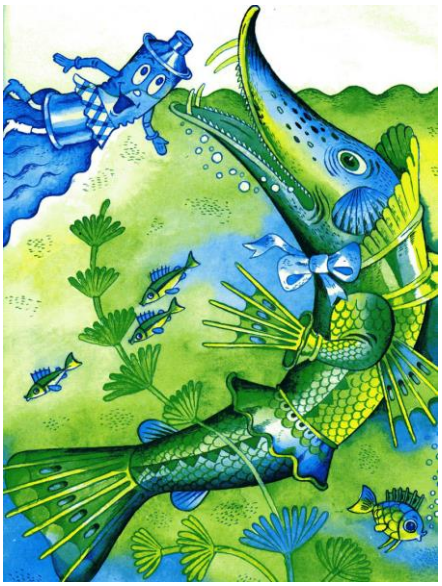
Вдруг видит:
из омута, что у ракит,
выплыла щука зубастая.
– Куда, – говорит, –
Спешишь? – говорит. –
Глотну, – говорит, – и баста!

Краска думает:
«Вот так штука!
Разбой среди бела дня.
Ведь эта негодная щука
и вправду сожрёт меня!»

До неба подпрыгнула краска от страха,
чуя беду неминучую,
за облако там уцепилась бедняга –
и облако сделалось
синею тучею.

Ударила молния
в гуле глухом…
Катается краска
на туче верхом.
И небо, встречаясь с нею,
синеет,
синеет,
синеет…

Вот туча ударила дождиком синим
по жёлтой траве,
по кустам,
по осинам,
взлохматила липы, потрогала клёны –
тучи ведь любят шалость –
а синее с жёлтым
назло ей смешалось
и стало внезапно зелёным.



Стало светло-зелёной
берёзонька в поле,
и кусты под окном,
и забор в новой школе,
и лесок, что прилёг
у берега речки…
Не менялся лишь пёс,
что сидел на крылечке,
потому что и дети,
и взрослые знают,
что зелёными псы
никогда не бывают.

А жёлтая краска от страха дрожит,
а жёлтая краска всё дальше бежит,
и красная в ужасе тоже –
назад оглянуться не может,
и пот пробирает трусливых подруг,
и даже на лицах
написан испуг.

И вдруг на пути их
дырявый забор.
Сквозь узкую щёлку
подруги во двор –
и видят совсем нераскрашенный сад,
как будто в снегу, в нём деревья стоят.

– Не нравится что-то
мне эта картина! –
И красная красить взялась георгины.
А жёлтая,
еле дыша от жары,
измазала все золотые шары.

Но там, где росли
нежно-белые маки, –
чуть-чуть не дошло
до скандала и драки.
Одна говорит:
– Эта клумба моя!
Другая:
– Нет, буду раскрашивать я!

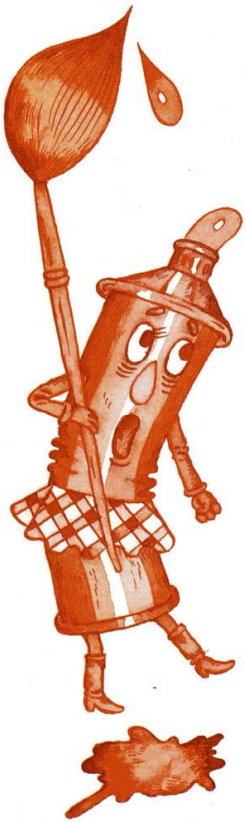
Деревья кричали им:
– Бросьте!
Вы можете лопнуть от злости!

Но жёлтая краска
за красною вслед
к цветам прикоснулась
прекрасным.
И тут получился
оранжевый цвет –
не жёлтый совсем
и не красный!

И снова подруги
идут по округе,
и синюю краску
всё ищут подруги.
Легла печаль на лица их –
они в недоумении
к Начальнику милиции
явились с заявлением.

Мол, просим меры срочные
принять по вашей линии,
поскольку неожиданно
пропала краска синяя.

– Найдём, – сказал Начальник, –
найдём – и всё в порядке!
Их проводил Начальник
и дал по шоколадке.
Вот вышли все на улицу,
а в небе туча хмурится,
и рядышком с прохожими
гуляет дождь по улице.
Взглянул Начальник на небо,
сказал подругам:
– Вот она!
Уселась ваша краска
на туче беззаботно.



Тут красная краска давай веселиться,
румянцем прохожим раскрасила лица,
развесила флаги с угла до угла,
зарю-заряницу на небе зажгла.
А синяя краска,

с тучи сойдя,
спустилась на землю
по нитке дождя.

А туча, нахмуренная, дождевая,
плыла себе по небу, еле живая,
плыла себе по небу, еле живая,
дома и прохожих водой поливая.
И краски, с прохожими рядом идя,
решили:
– Пожалуй, довольно дождя!

Тут выбрали дом они –
тот, что повыше,
залезли,
уселись все трое
на крыше,
и красная краска,
хотя и мала,
на небе большую дугу провела.
Кричит ей подруга:
– Я тоже могу!
И жёлтую рядом рисует дугу.
А третья подруга
смеётся:
– Угу!
И синюю рядом рисует дугу.

И вдруг три подруги воскликнули:
– Ах!
Наверно, у нас зарябило в глазах!
Мы дуг рисовали всего только три,
а сколько их на небе – ты посмотри!
Вот чудо, так чудо!

Мой друг, не спеша,
возьми три цветные
карандаша.
Рисуй на бумаге дугу за дугою,
немного одну прикрывая другою.
А я отдохну от рассказа покуда…

Ну что?
У тебя получается чудо?

Без конца не бывает ни книги, ни сказки.
Воротились в коробку промокшие краски.
А Художник проснулся, их тронул рукою
и сказал, улыбаясь:
– Приснится ж такое!

Поглядел он в окно –

оторваться не может:
цвет имеют и небо,
и солнышко тоже,
и стволы у берёз,
и весёлая речка,
и взлохмаченный пёс,
что сидит у крылечка.

СКАЗКА О РАССЕЯННОМ МУЗЫКАНТЕ И БУРУНДУКЕ – УЧИТЕЛЕ ПЕНИЯ

Шагал Музыкант
через заросли,
лесом.
На всё
с превеликим глядел интересом,
зверятам кивал,
улыбался пичугам –
он был малышам
самым преданным другом.
Он видел,
как в чаще
смешные сосёнки
растут,
у земли набираясь силёнки,
как пихты пыхтят –
наливаются соком,
и кедры
беседуют с небом высоким.

В какую бы чащу
в тот день ни залез он –
он слышал
волшебную музыку леса.
И вот,
примостившись под старой сосной,
он песню придумал
о жизни лесной.

Ах, песенка эта,
ах, песенка эта!
В ней шёпот дождя
и огонь горицвета,
в ней листьев беседа,
прохлада рассвета,
и музыка ветра,
и музыка лета.

Вот вечер
потрогал
деревьев верхушки,
по тридцать ку-ку
прокричали кукушки:

без солнца не можем, мол,
век вековать,
без солнца не можем, мол,
мы куковать.

Заухали совы
на ноте басовой:
– Нам люб только сумрак
в чащобе лесовой,
и только ночной
притаившийся лес
для нас представляет
большой интерес.

И, слушая эти забавные споры,
ушёл Музыкант, напевая,
в свой город,
а песню,
в которой воспел он леса,
на самой опушке
в блокнот записал.
И, чтоб занести её –
ноту по ноте, –
провёл Музыкант
пять линеек в блокноте.

Вернулся домой он,
сзывает друзей:
– Ко мне приходите, друзья,
поскорей!
И песню для вас я
сыграю такую,
в которой
лесные кукушки кукуют,
в которой
кричат снегири до зари,
в которой
клесты ударяют в хвосты.
В ней дятлы стучат в барабаны
и ловко
играет на шишках смолистых
кедровка!

Друзья
собрались в две минуты.
И вот
наш Музыкант
раскрывает блокнот.

Наш Музыкант
раскрывает блокнот,
но песни в блокноте
никак не найдёт!
Линейки видны
на белой странице,

а ноты
куда-то умчались,
как птицы:
и «до» улетело,
и «ре» улетело,
и «ми» улетело!
Печальное дело:
попробуй,
сыграть теперь песню изволь,
коль
«фа» потерялось,
и «ля» потерялось,
и «си» потерялось –
ужасная жалость!
И даже в блокноте
не задержалась
нота с названием «соль»!

Искал Музыкант
под столом и под креслом,
карманы обшарил устало,
но песня пропала,
но песня исчезла,
как будто её не бывало.

Ах, песенка эта,
ах, песенка эта!
В ней пели река
и ручей-непоседа,
был шелест травы в ней,
и птичья беседа,
и музыка солнца,
и музыка лета!

А утром в лесу
бурундук-лежебока
проснулся,
напился брусничного сока,
чихнул –
так, что эхо ответило гулко,
и неторопливо
пошёл на прогулку.

Он брёл по тропе,
где мохнатятся ели.
Вдруг слышит:
на ели
пичуги запели.
И дятел по кедру
то звонко,
то глухо
в лесной барабан
восхищённо забухал.

А кто-то в дупле
заворчал и заохал.
Пичуги сперва
испугались немного,
потом рассмеялись:
– Да там просто филин!
А филин кричит им:
– Эй, вы! Простофили!
Чему только в школах
учат ребят:
не знают, что днём
все филины спят?!
Тут наш бурундук,
потянувшись устало,
пошёл себе дальше –
и песни не стало.
Вернулся назад –
разобраться, в чём дело, –
опять
вся лесная округа
запела!

Решил бурундук:
– Удивительно, право,
налево пойду,
поверну ли направо,
встречают меня
величавою песней,
должно быть, я впрямь
заслужил это право!
Подумать!
Я стал поважней, чем медведь, –
никто ж о медведе
не вздумает петь!

Он шёл подбоченясь,
так гордо, так смело!
А песня весёлая
рядом летела.

Ах, песенка эта,
ах, песенка эта!
В ней дружба соседа
и запах обеда,
в ней радость и счастье,
успех и победа,
в ней музыка леса,
в ней музыка лета.

И вдруг возле стыка дорожек
колючий,
насмешливый ёжик
кричит:
– Эй, зазнайка, зазнай-ка,
ты правду сперва разузнай-ка!

Решил ты:
«Ах, птицы поют обо мне!»
А песня, браток,
У тебя на спине.

И впрямь:
Музыкант был рассеянным очень.
нанёс он в блокноте
пять тоненьких строчек,
блокнот отложил
и задумался вдруг.
А рядом
дремал под кустом
бурундук.
Темнело на спинке его
пять полос –
на них Музыкант
свои ноты нанёс.

Здесь «до» была нота,
и «ре» была нота,
и «ми» не попало
на строчки блокнота,
и все остальные
четыре значка
попали на спину
бурундучка.

Вот было в лесу
и веселья и смеха!
Газели глазели
на ноты из меха,
сороки,
покинув родное гнездо,
пытались
взять самое верхнее «до»!
С далёкой реки
прибежала дрофа,
чтоб выяснить точно:
как пишется «фа»?
Олени смотрели
на всех удивлённо:
написано «соль»,
а лизнёшь – не солёно.

Попал бурундук
в положенье такое,
что даже лишился
и сна,
и покоя.
А через неделю
в лесу
бурундук
стал педагогом
вокальных наук.

Он в школе вечерней
и в школе дневной
к ученикам
становился спиной,
дремал себе мирно
четверть часа,
пока за спиною
неслись голоса.

Он зажил прекрасно,
не зная печали:
и звери, и птицы
его привечали,
и даже медведи-невежды
и те
учиться к нему
приводили детей.
И песня звенела
всё дальше,
всё шире –
от джунглей глухих
до таёжной Сибири.

Ах, песенка эта,
ах, песенка эта!
В ней синие звёзды
горят до рассвета,
и грозди рябины
на зелени веток,
и музыка ночи,
и музыка лета.

Проснулся чуть свет Музыкант.
По обычаю,
окно растворил –
и глазам не поверил:
под окнами
всё население птичье –
кедровки,
скворцы,
соловьи
и тетери.
Протёр он глаза:
– Уж не сон ли мне снится?
Да нет же –
на ветках синеют синицы,
и, словно комочки
алой зари,
розовогрудые
снегири.

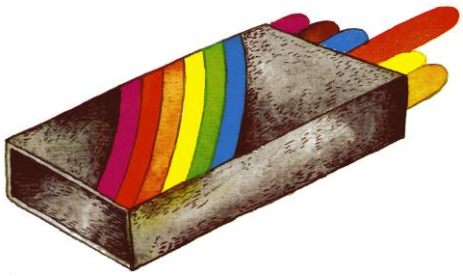
Тут солнце взошло
и уселось на крыше,

чтоб песню волшебную
тоже услышать.

А птицы
вовсю,
не жалея таланта,
звенели,
чтоб песню вернуть
Музыканту.
И он записал её –
ноту по ноте –
в красивом,
большом,
полосатом
блокноте.

Ах, песенка эта,
ах, песенка эта!
В ней шёпот дождя
и огонь горицвета,
в ней листьев беседа,
прохлада рассвета,
и музыка ветра,
и музыка лета.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ СКАЗКИ



В плоском сером домике с пёстрой крышей живут добрые волшебники. Фамилия у них одна — Карандаш, а имена разные — Красный, Оранжевый, Жёлтый, Зелёный, Голубой, Синий, Фиолетовый. И ещё есть Белый, и Чёрный, и даже Коричневый. И никто из них не старший, и никто из них не младший, потому что они — близнецы.

Всё свободное время они любят вспоминать разные истории, которые с ними приключились.

Они сидят за столом, на котором стоит самовар, и пьют чай с медовыми пряниками. Конечно, они могли бы иметь много пирожных и ещё больше мороженого, не говоря уже о конфетах,— ведь это им пара пустяков: чирк-чирк-чирк — и готово, но они очень скромны и о себе мало думают. Зато стоит кому-нибудь только крикнуть волшебное заклинание: «Карандаши, на помощь!» — как они тотчас прибегут, выручат тебя из беды.

И, должно быть, именно потому, что они волшебники, у них, скажу по совести, всё необычно. Вот мы с тобой постепенно растём: сперва были маленькие, потом побольше, потом ещё побольше, а потом — о-го-го! — станем, как мама и как папа, а может быть, даже и выше! А карандаши растут наоборот. В детстве они длинные и тощие, а затем становятся всё короче, и поэтому кажется, что они толстеют. А потом карандаши и вовсе становятся маленькими толстенькими старичками. А всё из-за того,

что, когда они делают свои главные волшебные дела, их разноцветные сердечки не жалеют себя.
На моём письменном столе тоже стоит домик братьев-карандашей. И по вечерам они мне рассказывают, а вернее рисуют, всякие истории.

КОРИЧНЕВАЯ СКАЗКА

Один паренёк по имени Антон очень любил рисовать. И днём, и поздним вечером он сидел над бумагой, и если б позволили, то даже ночью не давал бы покоя своим карандашам. Но ведь ночью даже папа спит, а позже папы – это известно всем – детям до шестнадцати лет ложиться запрещается. Так что хочешь не хочешь, а закрывай глаза.
Но вот что странно – хотел Антоша жёлтый дом нарисовать, а у него получался заяц. Как живой. Только жёлтый. Хотел Антоша море нарисовать, а у него получался... заяц. Как живой. Только синий. Что за напасть! Хотел Антоша кусты нарисовать, а получался... опять заяц. Как живой, но зелёный. Вот какая история. Ну, просто чудеса в решете!
Однажды решил Антоша нарисовать не дом, не море, не кусты. Зайца он решил нарисовать. А в сером плоском домике с разноцветной крышей остался один-единственный братец и тот коричневый. Что делать?

— А, – решил Антоша, – нарисую коричневого! Не всё ли равно?!
Взял он большой, как полотенце, лист бумаги. Точка, точка – глаза заячьи, два кружочка – голова, и сам заяц, лапки крючком, ушки торчком – вот и всё.
И вдруг видит Антоша, что заяц ему подмигивает. Хитренько так. Потом – прыг! По полу поскакал да за окошко. А там начинался лес.
Бежит заяц по тропинке, скрывается от Антоши. И видит: серые зайчишки дерево окружили, молодую кору едят.
— Привет бледнолицым братьям! – закричал коричневый заяц.
А те от испуга – врассыпную.
— Куда же вы, чудаки?! Не пугайтесь, я ведь заяц!
Тут один «бледнолицый брат» мордочку высунул из-за дерева и говорит:
— Не обманывай нас, хитрый зверь. Коричневых зайцев не бывает!
— А кто же я, по-твоему? Лапки у меня такие же?
— Такие же...
— А уши у меня такие же?
— Такие же...
— А хвост у меня такой же?
— Такой же...

— А мордочка у меня такая же?
— Такая же...
— Стало быть, я заяц?!
— Ничего не «стало быть»... Я серый, а ты коричневый. А коричневых зайцев в лесу не бывает. У кого хочешь спроси.
— Как же не бывает? А я-то?
— А ты и не заяц. Ты, должно быть, соболь!
Побежал коричневый заяц к соболю.
— Привет, братец соболь!
— Привет-привет! Только какой же я тебе братец!
— Да ведь ты коричневый и я коричневый. Стало быть, братья!
— Ничего не «стало быть»… А ты по деревьям прыгать умеешь?
И соболь побежал по стволу, как по земле, за ветку уцепился, качается, довольнёхонек.
— Так я не могу,— сказал коричневый заяц.
— А шишки ты щёлкать умеешь? — спросил соболь, сорвал с ветки кедровую шишку и стал щёлкать орешки, только облизывается — вкусно!
— Так я не могу,— сказал коричневый заяц, и у него слюнки потекли.
— А мышей ты ловить можешь? — захохотал соболь, бросился с ветки вниз на землю, догнал мышь, пробегавшую мимо, лапой её прижал к земле.
— Так я не могу,— испугался коричневый заяц.
— Ха-ха! — сказал соболь.— И потом, какой у тебя хвост? Тьфу, а не хвост! Коротышка, капелька, едва видно. А у меня длинный, пушистый... Нет, ты не соболь. Может быть, ты маленький медведь?
Побежал коричневый заяц к медведю.
— Привет, братец медведь!
— Хм... Брр... Братец... Да тебя и не видать над травой... Братец...
— Но и я коричневый, и ты коричневый...
— Ну и что?
— У меня хвост короткий и у тебя хвост короткий...
— Ну и что? У тебя вот уши длинные, а у меня нет. А когти у меня вон какие, а у тебя нет. А мёд ты из дупла добывал?.. А рыбу лапой ловил?.. То-то!
На небе тут что-то загремело, прокатилось, и припустил дождь, да какой! Деревья поскорее расправили свои веточки, чтобы каждый листик воды напился. Трава и та старалась приподняться как можно выше, чтобы не пропустить ни одной капельки. А медведь спрятался под густым кедром, чтобы не простудиться и не схватить насморк. А коричневый заяц остался на тропе – он ведь не знал ещё, что такое дождь. Промок он, смыл с него ливень следы карандаша, чуть заметны линеечки.
— Ха-ха! – сказал медведь, высунув нос из-под ветвей. – Да ты – заяц! Обыкновенный белый заяц, вот ты кто!
Обрадовался заяц и побежал на поляну к бледнолицым братьям.
— Берегись, – сказал ему тот самый зайчишка, с которым он только что разговаривал.— Берегись! Здесь бегает страшный зверь: уши – во! глазищи – во! ноги – во! Ужас!
Бывший коричневый заяц улыбнулся и ничего не ответил.

ОРАНЖЕВАЯ СКАЗКА

Была осень, и небо было серым, и без конца шел серый мелкий дождь. И все деревья облетели, и все птицы улетели туда, где жарко, и по утрам приходил мороз, леденил растёкшиеся по земле дождинки, и становилось скользко. И люди говорили:
– Ах, это ненастье! Уже надоело! Хоть бы скорее зима!
А девочке Лине совсем не хотелось зимы, потому что она была тяжело больна и ей нужно было много солнца, и много свежего, тёплого воздуха, и много зелёных

листочков.
Но за окном стояла берёзка с голыми темными ветками, и небо было серым, и без конца шел серый мелкий дождь.
– Если бы мне один всего апельсин, – говорила Лина маме, – я бы сразу здоровая стала и пошла бы гулять во поля, во луга.

И отец ходил по магазинам и писал всякие письма друзьям в дальние города, но ни в магазинах, ни у друзей не было круглого и оранжевого, как солнышко, целебного апельсина.
– Потерпи, доченька, – говорила мама. – Вот лето придёт…
А до лета было так далеко!
– Нет, – повернулся в своём домике Оранжевый карандаш. – Неужели мы ничем не можем помочь?
– Ничем, – вздохнул Зелёный. – Вот если бы в нашем северном городе росло хоть одно апельсиновое дерево…
– А может быть, ты помнишь, какие на нем листья растут? – спросил Оранжевый.
– Не помню. Я ведь ни разу не был на юге.
– А я знаю, – сказал Синий. – Когда в последний раз я рисовал море – там, на берегу, среди золотого песка и высоких пальм росло апельсиновое дерево… И листья у него… Да я лучше нарисую.
И он стал рисовать листок.
– Ха-ха! – закричал Зеленый братец. – Синий листок! Братцы, вы видели? – Синий листок! Да… такого… никогда… ни за что… нигде… ни при каких обстоятельствах не было, нет и быть не может!
– А ты попробуй нарисуй такой же, – спокойно сказал ему Красный братец.

– И нарисую. – Он чуть-чуть повёл сердечком по бумаге – и получилось…
– Настоящий листок! Настоящий листок! – зашумели все. – Чёрный братец, а чёрный братец, сделай так, чтобы ночь наступила.
– Нельзя! Ещё только раннее утро, день едва начался.
– И всё-таки сделай…
Как удивились и тёти и дяди, и девочки и мальчики, и даже всё знающие, всё ведающие дедушки и бабушки, когда вдруг среди сера дня наступила ночь. Стало темно, ну ничегошеньки не видно. Даже кошки, которые, как известно, неплохо видят в темноте, боялись высунуть на улицу нос, чтобы не заблудиться! Вот так постарался Чёрный карандаш.
А потом опять был серый день, и небо было серым, и без конца шёл серый мелкий дождь. Но прямо посреди города, прямо посреди двора появилось необычайное дерево: ствол у него был, как у берёзки, белый с чёрными чёрточками, зато листья были густо-зелёные, тугие совсем как у настоящего апельсинового дерева. Но главное, среди ветвей светился и сверкал один-единственный, но необыкновенно большой апельсин – всем апельсинам апельсин! И так вкусно от него пахло, и такой он был весь-весь оранжевый, что остановился серый дождик, и растаял гололёд, и раздвинулись серые тучи на небе, и появилось доброе и оранжевое, как апельсин, солнце.
А люди любовались солнышком, что выросло на берёзке, и говорили:
– Нет, зима, ты не торопись… Не торопись…

ЖЁЛТАЯ СКАЗКА

Сильный ветер оторвал от берега большую льдину и унёс её далеко в океан. А на льдине осталось пятеро рыбаков.

Когда льдина отошла от берега – она была белой, потому что над океаном горел короткий полярный день. А потом она стала фиолетовой, потому что наступили сумерки, а потом – чёрной, как дно рыбацкого котелка, потому что пришла ночь.

В посёлке на берегу спали люди, спали самолёты, укрытые на ночь брезентовыми чехлами. Их привязали к земле крепкими стальными тросами – чтобы ветер не унёс их в океан. И большие вертолёты тоже спали. А малыш-вертолёт смотрел на них и думал: «Эти старшие такие гордые, будто знают какую-то необыкновенную тайну».

И он решил ночью, пока все спят, подняться в воздух и пролететь над тайгой, над Ледовитым океаном, прямо к Северному полюсу.

Только поднялся он к облакам, как услышал, что по радио передают тревожную весть: от берега оторвало льдину, а на ней люди.

– Лечу на помощь! – просигнализировал малыш-вертолёт, опустился пониже, чтобы лучше видеть, и помчался вперёд, рассекая ветер и мрак. Ему было страшно: сверху свистело, и ухало, и швыряло в него чёрным снегом чёрное небо, внизу гудел, обдавая его колючими чёрными брызгами Ледовитый океан.

Люди на льдине услышали гул над головой.

– Костёр! Костёр разжигай! – скомандовал старший из них. – Нас ищут!

Они разломали нарты – ты ведь знаешь, что так называются лёгкие длинные северные сани, в которые запрягают оленей и собак. Нашли рыбаки обломки своей лодки и тоже бросили их в костёр.

Но поджечь костёр было нечем.

А вертолёт летал над льдинами и с грустью думал: «Неужели я их не найду?! Ведь пока прилетят взрослые вертолёты, люди могут замёрзнуть».

Но он был совсем маленьким, а значит… А значит, как и все малыши, очень любил цветные карандаши, коробка которых сиротливо лежала сейчас в сумке лётчика. Лётчик рисует ими на карте длинные цветные линии, те самые, что показывают, куда лететь. Ведь штурманы на то и нужны, чтобы вертолёты и самолёты знали, куда лететь, и нигде не заблудились. К счастью, сумка была в кабине. Вспомнил вертолётик волшебные слова и закричал:

– «Карандаши! На помощь!»

Выкатился из коробки Жёлтый карандаш, его сердечко вспыхнуло так ярко, что осветило бесконечные снега, и чёрный океан, плюющийся студёными волнами, и одинокую льдину внизу. Вертолётик увидал людей – они радостно махали руками. И собак – они лаяли, подняв кверху морды. Но ещё увидел

он, что вода вот-вот затопит льдину.
«Как же сесть?» – подумал вертолётик.
Тут Жёлтый карандаш вылетел из кабины и, оставляя сверкающий след в тёмном небе, ринулся вниз и поджёг костёр. Вспыхнул огонь – такой сильный, что всё вдруг стало жёлтым. И вертолётик легко опустился на маленькую тонущую площадку.
Обрадовались рыбаки, схватили рюкзаки и собак – и вот они уже в кабине. Уже лететь можно. А вертолётик всё искал среди догорающих головешек Жёлтого братца. Но его нигде не было. Он сгорел.
Поднялся малыш-вертолёт в воздух, сделал прощальный круг над льдиной, а из глубины костра вырвался, как бы прощаясь с ним, длинный, жёлтый язык огня. Вырвался и погас. А вертолётик полетел к берегу.
Теперь он знал главную тайну взрослых: если спасаешь друга, себя не жалей.

ЗЕЛЁНАЯ СКАЗКА

Бегемот был очень ленив.
Собственно, сперва он был таким же, как и все его сородичи – бегемот, как бегемот, ничего особенного. Но потом кто-то подарил ему зелёный карандаш.

Как этот карандаш оказался в глухих местах, далеко от городов, я до сих пор так и не узнал, но только карандаш оказался не простым, а волшебным.
Захочется тебе, скажем травки свежей и вкусной, нарисуй её карандашом – и вот она уже растёт на кочке: ешь не хочу!
С тех пор и обленился бегемот.
Лежит себе в болоте. С места не двинется. Дремлет. Толстеет. Решил слона обогнать по весу.
И вдруг карандаш пропал. Мне так кажется, что он, попросту, сбежал от лежебоки. Но, может быть, и потерялся: карандаш-то невелик, а болото – вон какое!
Искал его бегемот день, искал второй, третий искал – нет нигде волшебного карандаша.
«Может, я его случайно проглотил?!» – подумал

бегемот и так заревел, что у всех крокодилов в Африке слёзы выступили на глазах.
И вот уже вторую неделю не есть бегемот – рядом травы нет, а двинуться с места не может: сил не хватает – пока искал карандаш, и вовсе ослабел.
Если у тебя есть коробка карандашей, ты уж, пожалуйста, скажи Зелёному братцу: пусть отправляется прямо-прямо на юг, в самое большое болото, да нарисует для бегемота хоть немного травки: чтобы подкрепился толстяк.
Да не забудь сказать, что это – в последний раз. Пусть ищет себе пищу сам. Не маленький!

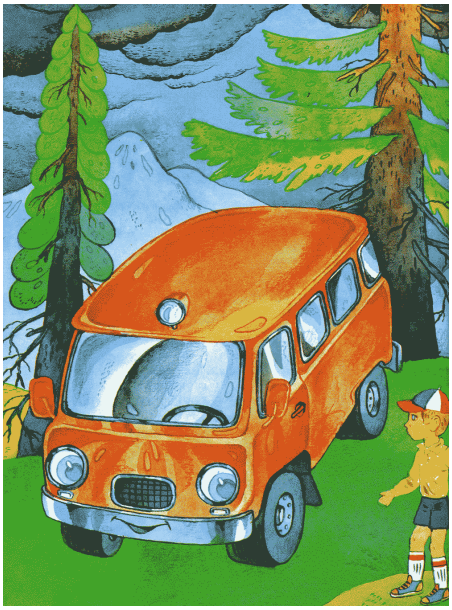
ГОЛУБАЯ СКАЗКА

В большом гараже, где проживали сверкающие стеклом красавцы-автобусы, жил малыш Уазик. Он тоже был автобусом, только маленьким – десять пассажиров всего могло поместиться на его мягких удобных сиденьях. Он любил летать по прямым улицам города, пофыркивая от удовольствия, а светофоры подмигивали ему своими разноцветными глазами и так любили малыша, что едва он подъезжал поближе, – открывали ему только зелёный свет.
Но больше всего любил Уазик отправляться по длинному гладкому шоссе за город. Дорога то стремительно взлетала к небу, то падала вниз – у малыша Уазика просто дух захватывало от удовольствия. А потом подъезжал он к берегу реки, останавливался на тихой таёжной поляне, и пока его пассажиры купались, бегали по лесу, загорали на солнце, Уазик успевал собрать большой букет ромашек, чтобы подарить его вечером маме.
Однажды в выходной день он решил погулять в лесу один. Ведь и автобусу порой хочется побыть одному, искупаться в реке, позагорать на солнышке и поваляться на пахучей лесной траве.
– Ты только оденься как полагается, – сказала мама, – не то и простудиться можно, ведь ещё не лето, а только поздняя весна.
– Жарко, – сказал Уазик. – Вон солнышко-то какое крепкое да жаркое. Такое жаркое, что просто уф!
И оставил он свой голубой комбинезон в гараже.
И отправился в тайгу по знакомой дороге – с горки на горку, с горки на горку. Теперь, когда не было пассажиров и шофёра, он мог вдоволь насмотреться на белый свет. Правда, его всегда удивляло: почему это взрослые называют всё, что видят вокруг, белым светом? Какой же он белый, когда в нём текут синие реки, шумят зелёные деревья, светит жёлтое солнце, лежат серые дороги, и куда ни погляди – голубое-голубое небо?..

И тут Уазик увидел, что от большого шоссе отходит вправо мягкая лесная дорога, которой он раньше не замечал. «Вот интересно!» – подумал Уазик и повернул вправо.
Вот это был лес, так лес! Настоящая глухая тайга: тёмные, заросшие мхом деревья были похожи на неподвижных зелёнобородых стариков, а поляны усыпаны цветами так густо, что чувствовалось, как поднимается к небу прозрачными столбами вкусный медовый запах.
А дорога всё разделялась – на две, снова на две и снова на две. Уазик сворачивал то влево, то вправо, а на душе было радостно, хотелось петь. Сочинять он не умел, и получалось у него поэтому не совсем складно:

Вокруг – леса, трава, роса.
Какая красота!
Летят четыре колеса –
Тра-та, та-та, та-та!

Вдруг с неба упала капля прямо на лоб Уазику, но он не обратил на это внимания. Через минуту в лесу стало темно, тучи закрыли небо, солнце быстрее покатилось по тучам – на него подул холодный ветер, и оно, боясь остыть и стать чёрным, как сковородка, укатилось за гору. Пошёл снег.
Да. В тайге бывает такое – уже весна приказала цветам раскрывать свои бутоны, уже травы поднялись, а зима нет-нет да и напомнит о себе. Ненадолго, конечно. Завтра будет снова солнце… И, чтобы согреть себя, Уазик переменил песенку:



Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!

Но солнце, как я уже говорил, спряталось за гору, а неба не было видно за чёрными тучами, из которых то валил снег, то хлестал крупный, больно бьющий по спине град.
Уазик развернулся на полянке, где устроился было отдыхать, и отправился домой.
Но не тут-то было. Тайга не хотела выпускать малыша. Ветер швырял в него пригоршни снега и града, пронизывал его насквозь. И снова одна дорога переходила в другую, раздваивалась и звала в глубь леса, а вот которая из них ведёт к знакомому шоссе – Уазик не знал. Он заблудился. Вот когда он вспомнил о своём голубом комбинезоне!
И вдруг он услышал, что у самой дороги кто-то плачет, и увидел мальчишку, который растирал на посиневших щеках слёзы.
– Ты что? – спросил Уазик.
– Что-что?! – передразнил его мальчишка. – Не видишь: заблудился!
– Н-да… Дела, брат! Я, понимаешь, тоже…
– И ты заблудился? Разве так бывает, чтобы автобус заблудился?
– В жизни всякое бывает… Весна вот, а снег идёт. Разве же это справедливо?
– Несправедливо! – согласился мальчишка. – Ну что, пойдём вместе.
– Совсем я замёрз без своего голубого комбинезона. Нет ли у тебя голубого карандаша?
– Есть. Да только что в нём толку?
– Не говори, толк есть. Ты разве ничего не слышал о волшебных карандашах?
– Нет…
– А ну-ка, скажи волшебные слова.
– Какие ещё волшебные слова?!
– «Карандаши! На помощь!»

– Пожалуйста! «Карандаши, на помощь!» Ну, и что толку-то?
Из кармана мальчишки выпал карандаш, побежал по земле, подбежал к Уазику и давай красить и грудь его, и спину. Минуты не прошло, а малыш был уже одет в новенький голубой и тёплый-тёплый комбинезон; даже лучше того, что остался в гараже.
– А небо он может нарисовать? – задумавшись о чём-то, спросил мальчишка.
– Конечно, может. Только зачем?
Но мальчишка уже закричал:
– «Карандаши! На помощь!»
И вдруг ветер подхватил голубой карандаш, поднял его высоко над соснами и над горами прямо к чёрным, клубящимся тучам.
Тучи стали бледнеть, голубеть и вскоре уже не отличались по цвету от ясного голубого неба. Растаяли тучи – и всё. Солнце снова выглянуло из-за горы. Ветер смолк. Стало тепло.
И маленький автобус, и маленький мальчишка огляделись и узнали дорогу, потому что, когда светло, всё можно лучше разглядеть. И помчались они к городу, и пели весёлую песенку, которую сочиняли тут же на ходу. Она тоже была не очень складная, зато радости в ней было хоть отбавляй!

Мы проплутали три часа,
Левей, левей руля!
Летят четыре колеса,
Тра-ля, ля-ля, ля-ля!

ФИОЛЕТОВАЯ СКАЗКА

У лесничего была красавица дочь – косы, как солнце, глаза – как небо, руки – как ласковый ветерок. Каждый день рассказывал ей лесничий по сказке, и выросла девушка очень задумчивой. А всё потому, что верила она в то, что лес – не просто лес, а заколдованные злыми волшебниками богатыри, которые пытались похитить юную царевну, и ждала она, что придёт добрый волшебник, коснётся её чародейской палочкой или невиданным цветком, и станет она царевной. И старые кедры превратятся в юных усачей, и могучие сосны станут несметной ратью, и никакая злая сила не сможет больше приносить людям вреда. И ещё мечтала она, что сказочный принц прискачет к их избушке верхом, махнёт шарфом шёлковым, разметёт всех врагов и возьмёт её в жёны.

А неподалёку в глухой лесной деревушке жил пастух – весёлый парень, бесшабашный и озорной. А песни пел он такие, что птицы

замолкали, чтобы словечка не пропустить.
Идёт он, бывало, по лесу – зайца пугнёт, ворону передразнит, с медведем шутя поборется. Гонит коров с поляны на поляну, песни поёт:

Что ты, солнышко, задумчиво?
Ты туман осенний выпило,
по лесным полянам звёздочки
золотистые рассыпало.
Я б собрал их под берёзами,
я собрал бы их под соснами,
но дарить покуда некому
золотые звёзды росные.

Как-то раз отбился от стада пятнистый рыжий телёнок. Всё в чащу да в чащу бежит. А пастух за ним. Вдруг тропа в глухомани, откуда бы ей взяться? Побежал по ней пастух и видит: девушка стоит, телёнка гладит – косы у неё, как солнце, глаза – как небо, а сарафан на ней, что лесная поляна, каких только цветов на нём нет! Гладит она теленка, приговаривает:
– Как же ты, миленький, один по лесу-то бегаешь? А волки? Они, брат, не дремлют!
Тут пастух и вышел из-за кустов. Увидела его дочь лесничего, лицо руками закрыла – точно тучка на небо набежала – да в избу.
– Куда же ты, красавица? Слово хоть скажи! – взмолился пастух.
Ни слова в ответ, ни полслова.
Пригорюнился пастух да ушёл прочь. А телёнок за ним бежит, головой трётся, словно вину свою чует.
Изменился с той поры парень, лес его не узнаёт, звери и птицы его не узнают, жители деревенские не узнают, словно подменили его.
Вот как-то утром погнал он стадо из деревни, да решил всё же сбегать к избе лесничего. Забежал домой карандашик взять: «Если не увижу красавицу, – думает, – записочку ей напишу». А младший братишка как раз картинку какую-то рисовал, цветными карандашами раскрашивал.
– Ладно, – сказал он,– бери хоть жёлтый, другие нужны мне.
Пошёл пастух по лесу, погнал стадо как всегда – с поляны по поляну. И где он идёт – берёзки желтеют.
«Ранняя осень нынче, – думает пастух, – вон уже и берёзки тронула».
Оставил он стадо на поляне да бегом к лесной избушке.
– Девица-красавица, покажись!

А дочь лесника в щёлку поглядывает, молчит. «Опять этот пастух! – думает с досадой. – Нет, чтобы волшебник или принц сказочный!» Постоял-постоял пастух, достал из кармана бумаги листок да жёлтый карандаш и написал записку:

Была дорога коротка,
Хоть шёл я издалече.
Неужто, дочка лесника
не рада нашей встрече?

И ушёл к своему стаду.
Назавтра взял он у брата красный карандаш. Гонит стадо с поляны на поляну. С зайцем не шутит, с медведем не борется, птицам не подпевает. Глядит кругом – краснеет лес. Осинка стала багровой. Кисти рябины созрели.
«Ранняя нынче осень, – думает пастух. – Вон уж и

красный огонь по лесу пошёл».
Оставил он стадо да бегом к лесной избушке.
– Девица-красавица, покажись!
А дочь лесника в щёлку смотрит, опять ей не нравится, что пастух пришёл, а не принц заморский.
Постоял-постоял пастух, достал из кармана листок бумаги да красный карандаш и написал записку:

Со мной болтают облака,
и лес, и луг, и речка.
Неужто, дочка лесника,
не вымолвишь словечка?

И ушёл он к своему стаду.
На третий день попросил он у братишки голубой карандаш.
Вышел за порог, а с неба, хоть и не было на нём ни одной тучки, голубой снег посыпался.
Стадо выгонять бесполезно, закончилось длинное пастухово лето – от первой травы до первого снега гонял он бурёнок по лесным полянам, чтоб ели побольше, чтоб молока в дома приносили много. А теперь вот – и всё. Зима на дворе.
И отправился пастух к лесной избушке.
– Девица-красавица, покажись!
А дочь лесника в щёлку смотрит, удивляется, что осени ещё, как полагается, не было, а вот тебе и зима пришла. А выходить ей к пастуху очень уж не хочется. Много ли радости-то?
Постоял-постоял пастух, достал из кармана листок бумаги да карандаш голубой и написал записку:

Есть сердце даже у пенька
Зима пришла не в шутку.
Неужто, дочка лесника,
не выйдешь на минутку?

И ушёл он в свою деревню.
В четвёртый раз взял он карандаш сиреневый. Отправился в лес и всё удивлялся – полдня проходил, а в небе всё заря висит сиреневая, солнце словно и выглянуть боится на небо.
Подошёл он к избушке лесника, позвал-позвал красавицу. И понял, что никогда она к нему не выйдет. Не стал он на этот раз записку писать.

– Ах, карандаш-карандаш, – вздохнул он. – Не сгодишься ты мне. Нет, не сгодишься.
Пошел он прочь по глубокому снегу, а карандаши разломал на мелкие кусочки да бросил их наземь.
Взглянула дочь лесника, чтобы убедиться, что ушёл пастух навсегда, выглянула да ахнула: прямо из высоченных сугробов прорастали и тянулись к небу тёмные стволы, вот на них зазеленели листочки, а ещё через минуту каждая веточка покрылась прекрасными фиолетовыми кистями сирени. Шумели сиреневые кусты на ветру, запах от них растекался по сиреневому снегу.
И поняла красавица, что пастух и был тем волшебником, которого ждала она всю жизнь. И побежала она по снегам, ступая след в след за пастухом. Но сильный ветер ударил ладонью своей по сугробам, поднял их в воздух, засыпал следы пастуха.
До самой ночи плакала дочь лесничего.
До самой ночи не всходило солнце на небо. До самой ночи висела на небе фиолетовая заря.

ТУМАН ТУМАНЫЧ

ТУМАН ТУМАНЫЧ

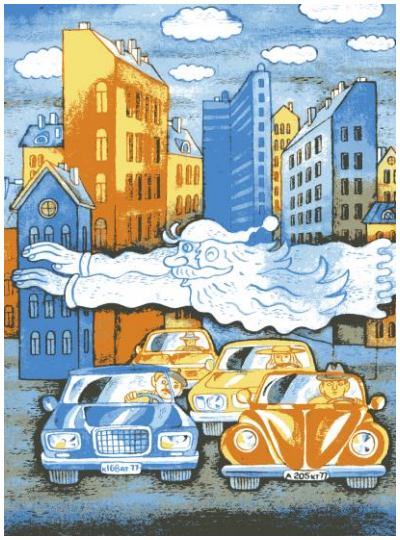
Спать не мог Туман Туманыч.
Просыпался, глядя на ночь,
и над речкой вдоль полян
до утра гулял туман.
Но являлся первый лучик –
тёплый,
жёлтый
и косой,
и туман сливался с тучей,
падал тихою росой
или лёгкой светлой дымкой
таял в глубине Саян –
до заката невидимкой
снова делался туман.

Но однажды он сказал:
– Надоело
пропадать-исчезать
то и дело.
Я – волшебник
великий,
могучий,
я рождаю косматые тучи,
облака я угрюмые множу.
Захочу –
и весь мир
уничтожу!

Он прошёлся тут и там
по кустам, –
сразу берег стал пустым:
– Где кусты?!

Он тихонечко пролез
в дикий лес.
Моментально лес исчез.
– Где ты, лес?!
Над рекой покачался слегка:
– Где вода?
– Где волна?

– ГДЕ РЕКА?!
От Байкала
до синих Саян –
лишь туман,
да туман,
да туман.
А у птиц переполох:
– Ох!
У зверюшек лютый страх:
– Ах!
– Не таится ли подвох?
– Ох!
Заблудились в двух шагах!
– Ах!



Уж на что хитра лиса,
а и та
испугалась,
не увидев хвоста.
– Суета, – говорит, – маета,
я теперь не лиса
без хвоста!
Не лиса, и всё!

А туманище всё злее –
беда!
Из лесов он пошёл
в города.
Он повис у дверей,
у ворот,
он по всем переулкам
ползёт.

В магазины заходит туман.
И в витрины забрался туман.
В парикмахерских брился туман.

В зоопарке клубился туман.
И рычали сердитые львы,
но туман их не слушал, увы!

Воздух тёмен и густ,
как мазут,
все машины
на ощупь ползут,
и приказ им по радио дан:
«Тихий ход!»
«Осторожно – туман!»
А туманище мосты зачёркивает,
серой лапой трамваи зачерпывает.
– Не пущу, – говорит, – никуда!
– Уничтожу, – кричит, – без следа!
Я – волшебник
великий,
могучий.
Я – рождаю косматые тучи,
облака я угрюмые множу.
Захочу –
и весь мир уничтожу!

Он прошёлся тут и там
по садам.
Сразу город стал седым:
– Где сады?!

Он шагал площадями и скверами.
Всё топтал он лапами скверными.
На газонах примял он траву…
– Где вы, площади?!
– Скверы, ау!

От Байкала
до синих Саян –
лишь туман,
да туман,
да туман.

Жил да был один Учёный –
парень, солнцем прокопчённый,
всем ветрам давно знаком:
вечно бродит с рюкзаком.

Он зимою для ночлега
строит дом себе из снега
с ледяным окном во тьму.
И полярные сиянья
прилетают ранней ранью,
словно ласточки, к нему.
Изучает он погоду,
дома не живёт по году,
знает всё наперечёт:
где какие ветры бродят,
где снежинки хороводят,
где жара рекой течёт.

Моряки плывут по свету,
улетают в высь ракеты,
лётчики спешат во тьму –
все на свете
за советом
обращаются к нему.

Телеграммы шлёт он срочно.
В них – ответ.
Всё ясно. Точно:
ЛИБО ДОЖДИК!
ЛИБО СНЕГ!
ЛИБО БУДЕТ!
ЛИБО – НЕТ!
Мимо гор
и речек мимо
шёл он летнею порой
в город дальний и любимый
над рекою Ангарой.

Он подходит:
– Что за бред? –
Ни домов, ни улиц нет!
Чудо!
Волшебство!
Фантастика!
Где река и корабли?

Будто кто-то серым ластиком
город стёр
с лица земли.

А навстречу ему
с площадей и полян
поднялся раздобревший,
разбухший
туман.

– Я – волшебник
великий,
могучий,
я – рождаю косматые тучи,
облака я угрюмые множу.

Я СЕГОДНЯ
ВЕСЬ МИР
У-НИЧ-ТО-ЖЖЖЖЖУ!
УНИЧТОЖУ – И ВСЁ!

Отвечает Учёный сурово:
– Уходи подобру-поздорову.
Что-то ты расхрабрился не в меру,
всё растёшь ты,
да всё вырастаешь,
погоди же, туманище серый,
кликну ветры –
и сразу растаешь!

А туман засмеялся скрипуче,
стал швырять он за тучей тучу,
облака выпускать из кармана…

Стало солнцу невмочь от тумана,
стало зорям невмочь,
стало небу невмочь,
среди дня опускается сизая ночь.
Разве сможет Учёный помочь?

Учёный во мраке жутком
нашёл телефонную будку,
он снял телефонную трубку,
и в трубке услышал:
– МИНУТКУ!..

– Алло! Мне нужна твоя помощь, ПУРГА!

– Сейчас не могу –
подметаю снега.

– Алло! Прилетай поскорее, БУРАН!
– Сейчас не могу,
меня ждёт океан.
Не пустит меня Ледовитый,

ты ж знаешь, какой он сердитый!

– Алло! БАЙКАЛЬСКАЯ БУРЯ – САРМА?
Послушай, Туманыч сошёл с ума,
растёт и растёт ежечасно.
Он всё пожирает!..

– ПРЕКРАСНО!

– Послушай, Сарма,
он стирает дома,
в тайге и на небе –
везде кутерьма.
И солнце ему не преграда!

– Я РАДА!
– Я РАДА!
– Я РАДА!

Учёный задумался:
надо ему
перехитрить самоё Сарму.
– Алло! Ну, как хочешь, Сарма.
Между прочим,
туман тут сегодня хвастался очень,
что скоро, мол, эта старушка Сарма
к нему на поклон приползёт сама.
– Ну, ладно, Сарма,
будь здорова, Сарма,
спешу, понимаешь,
работы тьма.
Он трубку с улыбкой повесил
и вышел – спокоен и весел.

А туманище всё небо заволок,
даже солнце спрятал в серый узелок.
От Байкала
до синих Саян –
лишь туман,
да туман,
да туман.

Вдруг ветер пошёл
сквозь леса напролом,
ударил в туман он
тяжелым крылом.
В кустах голубичных

и в соснах
шумел этот ветер
несносный.
По улицам стала
буря кружить
и белые стены тумана
крушить.
Над всею землёй
крутоверть, кутерьма –
над всею землёй
разыгралась Сарма.

Прогулялся вдоль полян:
– Где туман?
Пронеслась вдоль площадей:
– Где злодей?
Над домами бушует, над скверами.
Стал туман себя чувствовать скверно.
Весь он в клочьях
и дышит еле.
Он забился в ущелья и щели,
он, бедняга, от ужаса замер
и холодными плачет слезами.
Бьёт Сарма его дерзким крылом:
поделом!
Поделом!
ПОДЕЛОМ!

Тут Учёный увидал, что нет тумана,
восемь радуг сразу вынул из кармана:
над рекою,
над тайгою
и над лугом
встали радуги дугою –
друг за другом.
А в потрёпанном старом портфеле
семь полярных сияний сидели,
и Учёный развесил сиянья,
как плакаты, –
от зданья до зданья.

И весёлое солнце висело.
Ура!
И в тайге всё играло и пело.
Ура!
И по улицам радость летела.
Ура!
От двора
до двора,
от двора
до двора.

Здесь и сказку закончить пора.

КАК МЕДВЕДЬ РЕШИЛ БУЛЬДОЗЕРОМ СТАТЬ

Знают сказку лесные чащи.
Надо в чащах бывать почаще.
Присмотрись к деревьям внимательно, –
сто историй прочтёшь
занимательных.
Сказки ходят в оленьей связке,
в каждой речке плещутся сказки,
сказку в гнезда кладут кукушки,
сказку детям бормочут лягушки…

У костра,
на лесной опушке,
сказку с ягодой съешь и с грибами,
да держи язык
за зубами,
да скорей навостри-ка уши.
НАЧИНАЕТСЯ СКАЗКА.
Слушай…

Много в чаще звериных дорог,
много в чаще удобных берлог –
возле каждой сосны и ели
спят медведи
в таёжной постели.
Тихий сон у груздей и опят,
а медведи под снегом храпят!
Тихий сон у бобров и ежат.
А над мишками – кедры дрожат!

Постучала в берлоги весна,
появился медведь на пороге
и, глаза протирая от сна,
прочь пошёл

от своей берлоги.
Он шагал по осевшим сугробам,
по своим прошлогодним тропам,
и бруснику,
уже не свежую,
загребал он
лапой медвежьею.
А над озером,
а над озером
повстречался
медведь с бульдозером.

– Ты чего притаился тут? –
говорит медведь.
– Как тебя, между прочим, зовут? –
говорит медведь.
– На меня ты, браток, не похож,
ты не волк,
не олень,
не ёж.
Может, я продолжаю спать?..

Кулаком по железу хвать!
Как подпрыгнет медведь,
как подскочит!
А бульдозер хохочет, хохочет:
– Слушай,
драться со мной бесполезно:
я не зверь,
Я – БУЛЬДОЗЕР ЖЕЛЕЗНЫЙ!

Расшумелся медведь-буян:
– Лучше шкуру побереги!
Я – хозяин светлых полян,
я – владыка чёрной тайги!
И покуда стоит белый свет,
никого здесь важнее нет!

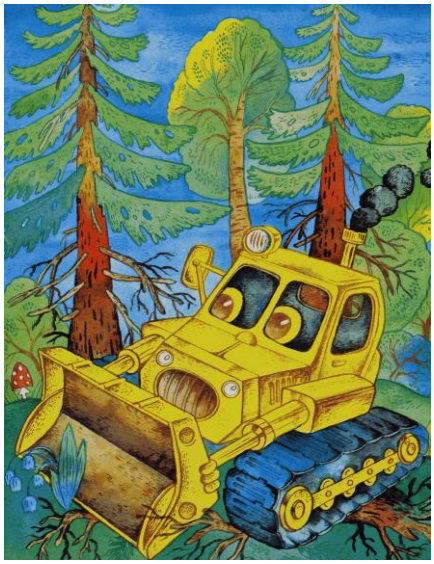
– Ты, конечно, солидный мужчина, –
говорит бульдозер, –
Но пойми, медведь, я – машина, –
говорит бульдозер, –
Ни один самый сильный зверь
не сравнится со мной, поверь.

Отвечает медведь:
– Не хвастай!
Ишь какой, – говорит, – зубастый!
Чем болтать по-пустому-то, милый,
лучше нам
померяться
силой!

ЭЙ, ВЫ, ЗВЕРИ,
И ПТИЦЫ ТОЖЕ,

ХВАТИТ НЫНЕ
БОКА ОТЛЁЖИВАТЬ!
СОБИРАЙТЕСЬ-КА ВСЕ НАД ОЗЕРОМ:
ПОЕДИНОК УСТРОИМ
С БУЛЬДОЗЕРОМ!

И вот на поляне –
пятнистые лани,
и рыжие лисы
на лысой поляне.



А рядышком с ними
уселись олени,
весёлых зайчат
посадив на колени.

У чёрной сосны,
черны и страшны,
сверкая глазами,
стоят кабаны.
Щетина на них –
грязными клочьями,
клыки, как клинки,
для битвы отточены.

Под солнцем,
серебряным мехом блистая,
сидят горностаи,
шумят горностаи,

а сверху
над ними,
над горностаями,
птицы кружатся
целыми стаями.
И всюду вопросы:
– Откуда?
– Откуда
на нашей поляне
рррырчащее чудо?!

Бульдозер шумит,
бульдозер трещит,
потом поднимает
вежливо щит,
на солнце весеннем сверкающий,
как зеркало всё отражающий.
Рокочет над лесом
бульдозера бас:
– Таёжный народ,
я приветствую вас!
Тружусь по-соседству
на стройке одной,
сейчас – отдыхаю:
у нас выходной.
А драться со мной – бесполезно:
я не зверь,
Я – БУЛЬДОЗЕР ЖЕЛЕЗНЫЙ!

Но волки-забияки
промолвили:
– Однако
мы вызваны для драки.
Когда же будет драка?!

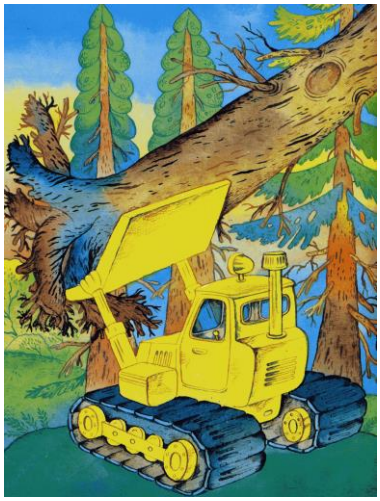
И вот они противника
обступили молча,
злобно и противненько
глаза сверкают волчьи.
Прыжок!
И звон над лесом
гремит тревожный
– БАММММ!

Да только грызть железо
волкам
не по зубам.
Отошли волчишки,
потирая шишки,
стали белее стены
оробевшие кабаны.
Сказали:
– Пойдёмте, братцы,
не то – простынет обед.
А с этим-то что нам драться –

у него и клыков-то нет!..

Медведь нахмурен:
«Ну и ну!
Не жаль и похвалить!»
– А можешь ты,
как я,
сосну
на землю повалить?
Похожу сейчас в бору
да покрепче подберу.
Как услышишь, где реву, –
сразу топай к дереву…

Пыхтел медведь немало,
катился градом пот,
но дерево упало,
и мишка крикнул:
– Вот!



А бульдозер подошёл
к дереву,
потихоньку тронул ствол
дерева,
что-то крякнуло в стволе
дерева,
пять минут – и на земле
дерево.

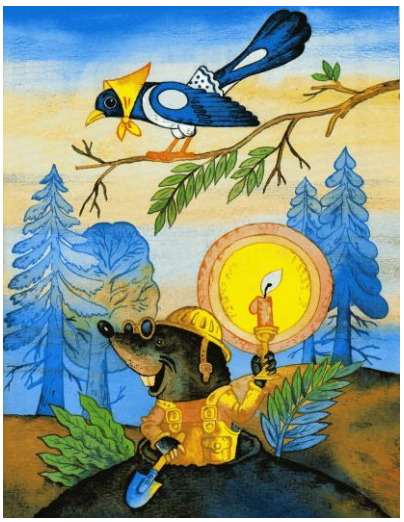
– Даа..ааа! –
молвил северный олень, –
Силёнка – не шути!
А можешь лесом
целый день
без устали идти?
– Да мне ничто
ни день пути,
ни целый год пути,
лишь только гайки подкрутить,
солярки припасти.
Силёнки мне не занимать,

да лес не хочется ломать!

– Ну, силой, –
сказали цапли, –
не удивишь нас.
Ни капли.
Клянёмся лягушкою сотой,
не съесть нам сто первой лягушки,
что он не пройдёт по болоту:
болото – оно не игрушки!

Бульдозер ответил решительно:
– Есть!
Иду! А лягушек вам больше не есть!
На лапах-гусеницах он
рванулся с места,
взял разгон
и по трясине топкой
пошёл чуть видной тропкой.

От удивления цапли
лягушек рассеянно сцапали
и бросились прочь от озера,
чтобы не встретить бульдозера.



Ворон вдруг раскрыл свой рот,
закричал:

Кррра! Тихо!
И вот вперёд выходит крот,
а вслед за ним – кротиха.
– Да он – СИЛАЧ,
да он – ЛОМАЧ,
и по болоту он ШАГАЧ,
пусть он – ТОЛКАЧ,
пусть он – БЕГАЧ,
но с нами всё же
не ТЯГАЧ!
Кроту он просто
не чета –
увы, профессия
не та!
Бульдозер,
что и говорить,
совсем
не может
землю
рыть!
Говорит бульдозер:
– Что ж!
Опустил бульдозер
нож.
Вырыл с ходу
десять ям,
бросил глину
по краям.
– До свиданья,
мне пора.
Люди ждут меня
с утра.

А утром на стройке
большое волненье:
из ближней тайги
среди белого дня
явился медведь
и принёс заявленье:

«НА СТРОЙКУ,
ПРОШУ ВАС,
ПРИМИТЕ
МЕНЯ!
Я БУДУ РАБОТАТЬ,
ОТ ВСЕХ НЕ ОТСТАНУ,
Я, МОЖЕТ БЫТЬ, ТОЖЕ
БУЛЬДОЗЕРОМ СТАНУ!»

Надо в чаще бывать почаще.
Эту сказку нашёл я в чаще,
где над тихим таёжным озером
ходят-бродят медведь с бульдозером.

САМЫЙ БЛАГОРОДНЫЙ ХОЛОДИЛЬНИК НА БЕЛОМ СВЕТЕ

В кухне было много жителей. И у каждого – своя песня. Вода мерно падала из крана на звонкую жестяную раковину и рассказывала бесконечную историю о том, как она была рекой. А когда кран открывали, она старалась петь так, как это делает река весной. Но только вода твёрдо знала, что кран вот-вот закроют, поэтому она торопилась, жужжала, фыркала, пыхтела, так что почти ни одного словечка нельзя было разобрать. Газовая плита тоже пела свои знойные, обжигающие песни. Но они были почти беззвучными, и едва прорезался у неё голос – хозяева вызывали мастера. Хозяев почему-то устраивали песни без слов. И только Холодильник в уголке, точно сверчок, мурлыкал и мурлыкал что-то себе под нос. Никто не прислушивался к нему, а он всё равно пел. Просто так. Характер у него хороший. Однажды я прислушался. В кухне никого не было, спали вся квартира, и весь дом, и весь город, потому что была ночь. И в тишине услышал вот что:

Я не чайник, я не будильник, я Дед Морозу друг и брат. Я знаменитый Холодильник – совершенный аппарат! Я стою, как будто льдина, на высоком берегу, и сардельки, и сардины заморозить я могу.

Песенка мне очень понравилась, и мы подружились с Холодильником. По вечерам, когда все ложились спать, он рассказывал мне разные истории из своей жизни. Так и появилась эта книжка.

КАК ХОЛОДИЛЬНИК ОХОТИЛСЯ НА ВОЛКА

Гулял-гулял как-то Холодильник по улицам, и ноги у него устали. «Почему бы мне не прокатиться в трамвае?» – подумал он, вскочил на подножку прицепного вагона и уселся на самое первое место.

— Гражданин! Вы будете покупать билеты? – ехидно спросила его девушка в синем с горошинкой платье, кондуктор. – Или, может быть, нет?

— Извините, а что такое билеты? – спросил вежливо Холодильник.

— Гражданин, не притворяйтесь?! Вы мне должны заплатить деньги, а я вам даю вот эту бумажку.

— Извините, а что такое деньги? – вежливо спросил Холодильник.

— Вы что же? Надо мной издеваетесь?! – закричала вдруг девушка-кондуктор.

— Как не стыдно! Такой большой, а едет зайцем!

— Извините, а кто такой заяц? – вежливо спросил Холодильник.

— Я не заяц. Я – Холодильник.

Но девушка-кондуктор не слушала его, она прошла на своё место у задней двери вагона и долго ещё ворчала, что вот пенсионерам не хватает мест, инвалидам не хватает мест, детям не хватает мест, взрослым не хватает мест, а какие-то холодильники позволяют себе ездить в трамвае. Да ещё зайцем?

Как рассердился тут Холодильник! Как заворчал он, как напустил морозу! Окна в трамвае покрылись ледяным узором. И это в июле, когда весь город изнывал от жары! На потолке вагона повисли сосульки, двери перестали открываться, а девушка-кондуктор так посинела, что стала одного цвета со своим платьем.

— Ой, – расстроился Холодильник. – Извините. Я совсем не хотел, чтобы все так замерзли!

Тут трамвай остановился. И Холодильник вышел. И ушел в лес. Остановка-то была последняя, на самом краю города.

Гуляет Холодильник по тропинкам звериным, по траве влажной и пахучей, на полянах ромашки собирает. Даже венок себе сплёл из красных гвоздик. Посмотрелся в лужу – хорошо! Красиво!

И тут кто-то выбегает к нему навстречу – серенький такой, уши длинные, а сам дрожит...

— Ты кто? – спрашивает Холодильник.

— Я... – вконец испугался серенький, – я... Заяц!

— Ах, Заяц! Так это из-за тебя мне попало?! Ты, должно быть, плохой человек, Заяц! Просто ужасный ты человек – нигде не платишь денег и билетов не берёшь!

— Неправда! Неправда! На нас, на зайцев, напраслину возводят! Просто я безобидный, никому ничего плохого не делаю, поэтому на меня и сваливают всё. Небось безбилетников волками не обзывают...

И тут он задрожал и закричал:

— Ой, что же я стою! Что же я с тобой заговорился! Он ведь меня сейчас догонит и съест!

— Кто он?

— Волк! Бежим, бежим скорее, а то он и тебя не пожалует!

— Не бойся, малыш! Мы что-нибудь придумаем. А где он, этот Волк?

— А вон видишь, за кустами крадётся?.. Ой, пропал я, пропал. Бедные мои лапки, бедные мои ушки!

— Не вижу никакого Волка, – сказал Холодильник, посмотрев по сторонам. — Уж не та ли собака, что за сосной притаилась? Так это же просто Бобик из нашего двора:

— Бобик! Бобик! Алло, Бобик!

А зайчишка дрожит, зуб на зуб у него не попадает.

— Ну, раз уж ты боишься даже мирного Бобика, прячься за меня, – предложил ему Холодильник. – Алло, Бобик! Ну, иди сюда, дурашка.

Тут Волк как прыгнет, как выскочит из-за дерева.

— Какой я тебе Бобик! – кричит. – Я Волк! Я гроза лесов!

— Да неужто? – ласково сказал Холодильник. – Нет, нет, не обманывай меня, таких волков в жизни не бывает!

— Как не бывает? – удивился Волк. – Какие же они, то есть мы, по-твоему?

— Не знаю. Я, конечно, лично волка не видел никогда, но они должны быть другими. Уж это точно. А ты какой-то не такой... Не типичный!

А Волк тут разгорячился ужасно и говорит:

— Вот съем тебя, – говорит, – тогда узнаешь: такой или сякой.

В Холодильнике что-то заворчало-заворчало. А это он холоду стал нагонять.

— Что это у тебя бурчит? – спросил зайчишка, опасливо выглянув из-за широкой Холодильниковой спины.

— Да проголодался я, волков давненько не ел. Вот и бурчит в животе.

— Наглец! – рассвирепел Волк. – Да ты-то сам кто? Что за важная персона?! А?

— Я? – спросил Холодильник.

— Да, ты?

— Я Заяц!

— Такой большой?

— Такой большой...

— Такой белый?

— Такой белый!

— Вот и неправда! Летом-то зайцы белыми и не бывают!

— А я ещё с зимы сохранился...

— Ну, раз ты Заяц, – сказал Волк, – тогда я сейчас тебя есть буду.

Раскрыл Волк свою страшную пасть да как бросится к Холодильнику. Ух, какой тут бой начался! Только звон стоял. Только зубы волчьи щёлкали! Но Холодильник-то был настоящий боец. Изловчился он, дверцу раскрыл. Волк так с разбегу и влетел внутрь. Тут дверца – хлоп! И – готово! Попался серый! Попался разбойник! А Холодильник загудел:

— Ур-ур-ур-ур! – чтобы Волка поскорее заморозить.

Побежал Заяц в лес, стал всем рассказывать о необыкновенном звере да ещё о том, что зверь этот питается исключительно одними волками, а другой пищи не признаёт!

Дошёл слух до волков, перепугались они да и разбежались кто куда.

А Холодильник в город вернулся.

Устал он очень после прогулки в лес – ножки-то у него невелики, а сам тяжеловат. Решил было на трамвае до дома добраться. Потом вспомнил, что денег у него нет, и пошёл пешком.

И вдруг видит, женщина какая-то в белом фартуке стоит у лотка и торгует курами и кричит на всю улицу:

— Кому свежемороженых кур?! Кому свежемороженых кур?!

И подходят к ней люди, кур берут, деньги платят.

Раскрыл Холодильник дверцу, Волка достал, а тот уже твёрдый стал, как полено. И тогда Холодильник закричал:

— Кому свежемороженых волков?! Кому свежемороженых волков?!

Час кричит, и другой, и третий — никто не подходит. Чудаки эти люди. Таких маленьких, ощипанных кур покупают, а Волка, большого, пушистого, не берут.

А Волк на жаре оттаял, отогрелся да как побежит!

Что тут было!

Люди кинулись кто на заборы, кто на столбы фонарные. Продавщица спряталась под своим лотком.

А Холодильник кричит:

— Беги, беги, Волк, да смотри больше не попадайся!

КАК ХОЛОДИЛЬНИК ПОТЕРЯЛСЯ

И мама, и папа, и дети – вся семья переезжала из Иркутска в Братск.
На грузовике отвезли на пристань и шкафы, и столы, и чемоданы. И Холодильник тоже отправился в путь.
На Ангаре покачивалась длинная коричневая баржа, она была привязана крепким канатом к небольшому буксирному пароходику, который дымил так, словно это он, а не кто-нибудь другой, превращал день в ночь.
Загудел пароходик басом. Дёрнулся. И поплыли по реке Ангаре и папа, и мама, и вещи, и Холодильник тоже.
А пароходик был такой задавака, что задрал нос и всё посматривал налево-направо, налево-направо: любуются им или не любуются. Когда он был совсем маленьким, его родители не переставали его хвалить: ах, какой у нас сын, да он лучше всех пароходиков на свете. Вы только посмотрите, какой у него нос! А какая корма! А какая труба – чудо, а не труба!
Так он вырос, считая, что лучше его нет никого на свете. Сказать по совести, от этого у него было немало неприятностей: когда все думаешь о себе да о себе, то для дела времени уже не остаётся.
Вот и на этот раз. Пароходик вертелся налево-направо, налево-направо, пытаясь увидеть, любуются или не любуются им, и не заметил, как сел на мель. Баржу вдруг сильно тряхнуло, вещи загрохотали, стукнулись друг о друга, шкаф даже шишку себе набил, перила лопнули, и Холодильник, который стоял у самого края, хлюпнулся в воду, разошлись над ним круги – и нет Холодильника!
За всю свою жизнь не слышал пароходик столько нелестных слов о себе, сколько на этот раз. Его ругали и папа, и мама, и дети, и вещи, и даже старая баржа. А он только плыл, отдувался и впервые не поглядывал по сторонам, а думал о том, что не так-то он и хорош и что родители его явно перехвалили. Ах, как это неприятно получилось, что утонул такой гладкий, такой белый, такой красивый Холодильник!

А Холодильник лежал на дне реки Ангары. Было ему неуютно и сыро. Но он любовался зелёными лучами солнца – здесь, на дне, всё казалось зелёным. Рыбки кружили над его головой, ласково прикасались к гладким Холодильниковым бокам. Но когда одна из них забралась ему за шиворот – Холодильник возмутился. Он ужасно не любил щекотки.
Холодильник вежливо сказал рыбке:
- Прошу вас, пожалуйста, не надо меня щекотать!
Но в рот набралась вода и слышно было только:
- Про-буль-бу-бу пожа-луль-бу не на-буль-бу ме-буще-буль…
И, конечно же, рыбка не поняла, что ей хотели сказать.
Тогда Холодильник заворчал сердито:
- Ур-бур-ур! Ур-бур-ур!

И стал он покрываться льдом, чтобы отгородиться от рыбок, которые теперь уже целой стаей лезли ему за шиворот. Не заметил Холодильник, как сперва покрылся ледяной коркой, потом толстым слоем льда. И наконец выросла вокруг Холодильника большая льдина. А лёд-то ведь легче воды – и ура! – всплыл Холодильник вместе со льдиной на поверхность реки, и понесло его течением вниз, к Братску, вслед за папой, за мамой, за детьми, за вещами, за задавалой пароходиком.
А на берегах реки стоял город, окна сияли на солнце, весёлые зайчики бежали от стёкол по волнам, гладили бока Холодильника тёплыми лапами:
- Плыви, чистенький, плыви!
Работящие подъёмные краны склонялись к воде, бережно опускали груз на палубы барж и пароходов. Потом, расправив усталые плечи, гудели приветливо вслед Холодильнику:
- Плыви, маленький, плыви!
Из-за леса выглядывали деревни, у самого берега паслись стада, и коровы ласково мычали вслед Холодильнику:
- Плыви, беленький, плыви!
Плыл он медленно и пел свою любимую песенку:

Я не чайник, я не будильник,
Я Дед Морозу друг и брат.
Я знаменитый Холодильник –
Совершенный аппарат!
Захочу и холодина
на подмогу выйдет мне.
И меня катает льдина
На серебряной спине.

И тут он почувствовал, что льдина-то тает – солнышко старается вовсю.
– Надо торопиться! – решил Холодильник. – Иначе опять попаду на дно. А это неинтересно. А новую льдину наморозить будет уже трудновато – устал как никак.
В этот самый момент пронёсся мимо него лёгкий белый корабль на подводных крыльях, корабль по имени Метеор.
– Метеор! Метеор! – закричал Холодильник. – Возьми меня с собой! Я на барже лежал, прямо в воду упал, оказался на дне. Помоги, пожалуйста, мне!
Метеор был действительно красивее всех судов на реке Ангаре, и плавал быстрее всех, и гудел приятнее всех, но никогда не зазнавался, всегда был рад прийти на помощь товарищу.
Остановился он на минуту.
– Цепляйся, – говорит. – Да только побыстрее, а то мне неприлично опаздывать.
Холодильник поскорее прицепился к Метеору. И поплыли они так, что только пена вскипала позади. Холодильнику даже показалось, что они летят по небу – не зря же Метеор был на подводных крыльях!
Они пролетели стремглав мимо пароходика-задаваки.
И дети закричали:
– Большой Метеор везёт маленького! Большой Метеор везёт маленького! Смотрите! Смотрите!
И мама тоже закричала! И папа тоже закричал! И все вещи, хотя и молчали при людях, но тоже закричали, потому что только они увидели, что это не маленький Метеорик прицепился к большому Метеору, а их друг Холодильник живёхонький и совершенно здоровый!
И только не радовался пароходик-задавака, потому что радоваться было нечему: Метеор и быстрее его, и наряднее, и гудок у него мелодичнее.
«Зато у него нет такого чёрного-пречёрного дыма, как у меня», - успокоил себя пароходик и обдал и папу, и маму, и детей, и вещи такими чёрными клубами, что все стали неузнаваемыми, словно только что прилетели из Африки.

До самого Братска отмывали они сажу. А когда приплыли в Братск, изумились: на берегу в толпе встречающих стоял живой и невредимый их белый блестящий Холодильник и радостно махал им платочком.

КАК ХОЛОДИЛЬНИК СПАС ОЛЕНЁНКА

Однажды Холодильник гулял по лесу.

Была весна. Огромные толстенные льдины неслись по реке Ангаре, и каждая старалась обогнать другую, толкалась, лезла без очереди, хотя, честно говоря, спешить им было некуда – всё равно через день-другой пути они крошились, таяли, становились водой.

Да. Так вот, гулял Холодильник по лесу и увидел, что у самой воды стоит какой-то зверь. Сам большой, серый, а на голове – дерево растёт.

— Интересно узнать, – подумал Холодильник, – кто бы это мог быть? На зайца – не похож. На волка – не похож!

А других зверей Холодильник ещё не знал.

— Ты – кто? – спросил Холодильник у незнакомца.

— Я – Олень.

— Такой большой?

— Такой большой.

— Такой серый?

— Такой серый.

— С деревом на голове?

— И вовсе не дерево, а рога.

— А что такое рога?

— Рога есть рога. Чтобы от врагов обороняться. Ка-а-ак стукну волка! Ты знаешь волка?

— Знаю.

— Ну, вот то-то! А сейчас уходи. Не мешай мне кричать и плакать. Уходи. А то неудобно при посторонних.

— А почему ты плачешь?

Но Олень ничего не ответил. Только закричал так жалобно-жалобно...

И вдруг Холодильник услышал, что оттуда, с середины реки, кто-то отзывается протяжным плачем.

Всмотрелся Холодильник и увидел посреди грохочущих льдин островок небольшой, а на островке – маленький олень. Даже рогов у него пока ещё нет. И плачет он, плачет!

— Как же там оказался маленький? – спросил Холодильник.

— Не заметил я, – грустно сказал Олень, – как побежал он по льду. А лёд затрещал, тронулся... Хорошо ещё, что островок оказался посреди реки... Ах, что я буду теперь говорить его матери?!

И он, уже не стесняясь, заплакал.

Холодильник всегда расстраивался, когда видел чьи-либо слёзы. Ему и самому тогда хотелось зареветь. Но он не заревел, а сказал:

— Может быть, его можно выручить?
— Как? – грустно покачал рогами Олень. – По льдинам он не пройдёт. А плыть невозможно. Я попробовал, но бесполезно: только побили да поранили меня льдины. Еле на берег выбрался. А ведь он-то совсем-совсем ещё неопытный.
— Но ведь нельзя же стоять сложа руки, – сказал Холодильник и подошёл к воде.
— Эй! – закричал он. – Эй вы, льдины! Можете остановиться вы на минутку?
— Зачем это? – сказала проплывающая мимо толстая важная льдина.
— Не видишь, что ли?! Оленёнок на острове плачет, сюда перебраться не может.
— А, что слёзы, – усмехнулась толстячка. – Слёзы – вода! Каплей больше, каплей меньше. Некогда мне, спешу... Пока...
И она неторопливо проплыла мимо. Глупая не знала даже, что всего-то через минуту её стукнет о каменный берег, и разобьётся она, и растает она, и тоже станет водой.
— Эй вы, – кричал Холодильник. – Неужели среди вас нет ни одной порядочной благородной льдины?!
Но на реке Ангаре стоял такой шум, что если даже среди тысяч льдин и оказалось несколько добрых и отзывчивых, то они ничего не услышали.
— Вот видишь! – заплакал ещё сильнее Олень. – Вот видишь. Больше уже никто не сможет помочь моему Олешку. Никто на всём белом свете. Ах, какое несчастье!..
— Ну, мы ещё посмотрим... Придержи-ка вот эту льдину, что к берегу течением прибило.
Олень придержал её копытом. А Холодильник заворчал:
— Ур-бур-ур! Ур-бур-ур!..
И льдина примерзла к берегу. Да так крепко примерзла – не оторвёшь!
Осторожно ступил Холодильник на неё, поймал другую, подтянул её и – Ур-бур-ур – приморозил.
А потом ещё одну, и ещё одну, и ещё одну, и ещё одну, и ещё одну, и стал расти через реку Ангару мостик.
Они так увлеклись работой, что не заметили, как надвинулась на них сердитая, огромная белая гора. Она подплыла тайком, да как ударит по мосту, да как оторвет его от берега!
— Беда, – сказал Холодильник. – Теперь нас далеко отнесёт. Что же делать?
Бросился тут Олень в холодную кипящую воду. К счастью, неглубоко оказалось, так он ногами упёрся в дно реки, а рогами в ледяной мостик. Прижал его к берегу, а сам еле-еле на ногах стоит. Льдины бьют его, царапают. А Холодильник – ур-бур-ур! — приморозил мостик к берегу, да ещё крепче прежнего.
Скоро мостик протянулся почти до середины реки. Сперва Холодильник с Оленем радовались, потом услышали, что льдины между собой говорят:
— Вот накопится нас побольше, да как ударим, да как поднажмём — и снесём неожиданную преграду.
И понял Холодильник, что спешить нужно, иначе всё пропало. И стал он беспрерывно работать – УР-бур-ур! И мост всё ближе к островку, всё ближе. Только ступили они на островок, как на реке Ангаре раздался треск – такой сильный, что лес на берегу ахнул. И разлетелся на кусочки ледяной мост.
Ох, как радовался Оленёночек! Как он прыгал!
А ведь до спасения пока ещё далеко было.
И снова стали они ловить и сморaживать льдины. Одну, другую, третью.
Сперва Холодильник ступал на лёд. И если уж под ним мосток не трещал, тогда Олень с Оленёнком ступали. Так и шли они с берега на берег. И когда уж совсем близко было, сказал Холодильник:
— Прыгайте!
И прыгнул Оленёнок. И прыгнул Олень. А Холодильник прыгать-то не мог —

слишком уж он тяжёл. Оторвало льдину, понесло, и сил у Холодильника уже не было — устал он очень. Он тихо лежал на боку, смотрел на лес, по которому вдоль берега бежали и бежали, не отставая ни на шаг от льдины, его новые друзья. Но что мог сделать Олень, если сам Холодильник не мог себе помочь.

А льдину начало крутить, вертеть, ударять о другие – и тогда у Холодильника закружилась голова, и стало ему плохо-плохо.

А когда он пришёл в себя, он лежал на берегу, куда вода вытолкала льдину. И чувствовал себя совсем слабым, разбитым и двигаться совсем не мог. А главное, не знал, куда идти.

Впервые в жизни стало Холодильнику не по себе. Что делать? Как быть?

Но вдруг из леса выбежал мокрый от усталости, потный Олень. И Оленёнок тоже. Увидели они своего друга, обрадовались. Повернулся Олень головой к лесу да как закричит:

— У-юду-юду-юду-я! У-юду-юду-юду-я!

И сбежались олени изо всей тайги. Подняли они осторожненько рогами Холодильник, положили его на спину самому большому и самому сильному и повезли. Звери бежали за ними и кричали «ура!», птицы летели над ними и кричали «ура!», а дети на улицах Братска просто рты раскрыли от удивления: ведь никто никогда раньше не видел, чтобы Холодильник ехал верхом на олене.

— Спасибо, – сказал Олень Холодильнику, прощаясь. – Я никогда тебя не забуду.

— И тебе спасибо, – сказал Холодильник. – И я тебя никогда не забуду.

— Если я когда-нибудь понадоблюсь, позови вот так: «У-юду-юду-юду-я!» И я прибегу к тебе.

Так сказал Олень и вместе с другими ушёл домой – в дремучую тайгу.

Раньше было много кошек. Очень много. Если в доме, скажем, двадцать квартир — стало быть, в них жило двадцать кошек. А если квартир сто – и кошек все сто: чёрных, серых, рыжих, в пятнышках, в крапинку, гладких, пушистых, добрых, царапучих – всяких.

А теперь кошек меньше. Наверное, потому, что появились холодильники. Стоят они в укромном месте на кухне, мурлычут, совсем как коты, сказки рассказывают, по золотой цепи ходят, по электрической...

Но, скажу по правде, далеко не всякий холодильник может охотиться на волков, спасать в тайге оленей или путешествовать по рекам на льдине. Зато любой из них умеет творить маленькие чудеса: превращать воду в лёд, совсем как Дед Мороз, а сладкое молоко – в мороженое. И ещё все холодильники могут нежно мурлыкать. А если они ворчат слишком громко – это значит, у них плохое настроение, и тогда лучше всего вызвать мастера, чтобы он их настроил. Конечно же, я рассказал вам не все сказки, услышанные мной от белого друга, – у него есть истории на каждый день: как он принимал участие в празднике песен и получил первый приз за песенку «Мур-мур-мур», приведя в смущение всех окрестных котов, или как он помог ребятам устроить сверкающий и прекрасный каток во дворе в самый разгар лета, или как сохранил золотое яблочко, потерянное трёхлетней девочкой, и вручил его ей в день свадьбы. Я хотел уже начать записывать его новые рассказы, но Холодильник сказал:

— А что скажут дети? Подумают, что я хвастаюсь. А я очень скромный холодильник. Просто ужасно скучно подолгу стоять одному. Да ещё в углу.

ГЛОТОК ОКЕАНА

– Ты знаешь, кто такой омуль?
– Рыба.
– А ты знаешь, где живёт омуль?
– В Байкале.
– А ты знаешь, где лежит Байкал?
– В Сибири.
– Ты многое уже знаешь, однако же не всё.
Послушай-ка, что я тебе расскажу…

Был у нерпы ребёнок,
забавный нерпёнок.
Только был непослушным
ребёнок с пелёнок:
и друзей,
и соседей,
и старую мать
он проказами
очень
любил
донимать.

То холодную льдину
притащит в квартиру,
то без спроса напьётся он
рыбьего жиру,
то глотает сосульки,
как фокусник шпаги,
то в Байкал он ныряет,
исполнен отваги.
А нерпятам –
это известно давно –
в раннем возрасте
плавать
за-
пре-
ще-
но!

Мать ему говорила:
– Беды не наделай!
Ты ж покуда малыш ещё,
беленький,
белый.
Вот разгонит весна
ноздреватые льды,
так хоть месяц ты
не выходи из воды!
Ветер в льдины ударит
и сильно,

и грубо,
потемнеет твоя
белоснежная шуба,
вот тогда, мой нерпёнок,
и только тогда,
для тебя неопасною
станет вода.

Только мать за порог,
как в любую погоду
лез нерпёнок в сырую
байкальскую воду,
и на льдину –
ну что с непоседы возьмёшь! –
он тайком выходил
погулять без калош.
Плавал в маминой шляпе
с большими полями
и, не слушаясь папы,
дружил с омулями.
Как-то в сети попал
озорной омулёк,
так нерпёнок
беднягу
из плена извлёк.
Омульку говорила
не раз омулиха:
– Доведёт тебя
дружба с нерпёнком
до лиха.
Разозлится
и съест он тебя,
дуралей.
Свою старую маму,
сынок,
пожалей…

Но случилась с нерпёнком
беда, беда.
Эй, врачи,
поскорее
сюда, сюда!
Эй, премудрый таймень,
ты халат свой надень,
видишь, жар у нерпёнка
пятнадцатый день!

Он родился зимою,
был в белую шубу одет он,
чтоб никто на снегу
нерпёнка увидеть не смог.
Время шубу менять –
белый берег раскрасило лето,
а малыш – точно снег,
а нерпёнок совсем занемог.

Он белый-пребелый лежит, как зима,
он тихий-претихий лежит, как зима,
как будто бы маленький белый сугроб
на летней воде позабыла зима.

Плачет мама.
И папа нерпёнка жалеет.
Но от слёз разве шуба его потемнеет?
Все соседи ревут,
и от этой беды
прибавляется
в море-Байкале
воды.

Ходят волны тревожные
в белой пене,
буря громко стучится
в квартиру тайменя:
– Эй, премудрый таймень,
ты халат свой надень,
очень болен нерпёнок
пятнадцатый день!

Таймень сказал:
– Простите,
Что громко так стучите?
Учёнейший таймень я,
но стар я тем не менее.
Вы б лучше не стучали,
а на своей спине
нерпёнка покачали
и принесли ко мне…

Он градусник ставил нерпёнку,
пощупал нерпёнку печёнку,
потрогал мохнатую шубку,
приставил к спине его трубку.
– Послушать мне вас разрешите…
Дышите…
Теперь не дышите…

Сказал он родителям:
– Странно!
Болезнь неизвестна почти.
И только глоток океана
поможет малышку спасти.
Глоточек зеленой,
глоточек солёной,
глоточек студёной
целебной воды.

– Ты знаешь, что такое озеро?
– Это много-премного воды…
– А море?

– Это – если слить вместе много-премного озёр.
– А что такое океан?
– Это – если слить вместе много-премного морей.
– Ты уже немало знаешь, однако же не всё.
Послушай-ка, что было дальше…

Убита горем нерпа-мать,
не может есть,
не может спать
от думы неустанной,
от беспокойства:
где достать
глоточек океана?!
В Байкале чистая вода,
в Байкале вкусная вода –
холодная,
зелёная,
да только не солёная.
Отец – хороший был пловец,
но постарел уже отец,
на полдороги силы
бедняге не хватило.
Так труден путь
и так далёк –
быстрины
и пороги…

Но верный,
храбрый омулёк
готовился к дороге.
Он про запас
еды припас,
из дома вышел тихо:
он выбрал час,
когда как раз
дремала омулиха.
Он дружбу понимал всерьёз
и для спасенья друга
готов был ринуться в мороз,
пройти жару и вьюгу.
Пусть будут сети на пути
и щуки-великаны,
но только б другу принести
глоточек океана.

Он белый-пребелый лежит – океан,
он грозный-прегрозный лежит – океан,
студёную воду из рек и морей
в огромных ладонях
собрал океан.

Плыл денёк омулёк,
плыл второй,
за волною волну рассекал,
но опять

впереди,
позади
и с боков
всё Байкал да Байкал.
Омулёк полежит на спине,
отдохнёт среди губок на дне
и опять всё вперёд,
всё вперёд,
всё вперёд,
в тишине,
в глубине.

Вдруг кто-то полосатый,
как тигр, издалека
метнулся из засады,
напал на омулька.
То близок, то далёк он
(крадётся и хитрит!),
морской разбойник окунь –
прожорливый бандит.

И так он говорит:
– Подоспел, омулёк, к сроку!
Видишь: точит свой нож окунь?
Видишь: точит свой нож,
значит, ты не уйдёшь,
никуда
от меня
не уйдешь!

Обо всём от страха
омулёк забыл,
по воде с размаху
он хвостом забил.
Мчится вглубь,
в сторонку,
в синий полумрак.
А за ним вдогонку
полосатый враг.

Вдруг видит омулёк:
рыбачья сеть.
В такой сети
пришлось ему висеть:
запутался
и выбраться б не смог,
когда б ему нерпёнок не помог.
Малыш глядит на сеть,
да неспроста:
– Ага! Она не очень-то густа!
Я проскочу,
а кто-то наверху
поймает окунишку

на уху!

Прошёл малыш
преграду без труда,
а окунь –
ни туда и ни сюда.
Забился он,
запутался в сети,
он омульку кричит:
– Браток, прости!
Я ж пошутил,
мы, окуни, добры…

В ту ночь малыш доплыл
до Ангары.

– Ты знаешь, сколько сыновей у Байкала?
– Триста тридцать три…
– Ты прав, столько рек ему приносят воду.
– А сколько у Байкала дочерей?
– Совсем мало.
– Сколько же?
– Одна Ангара. Она вытекает из Байкала и спешит к Енисею-реке.
– А куда бежит Енисей?
– Прямо-прямо в океан.
– О, ты даже это знаешь! И всё-таки ты знаешь не всё.
Вот послушай-ка, что было дальше…

С неба падает тихо
звезда-уголёк.
На перине волны
задремал омулёк.
Ангара к Енисею спешит.
И во сне
путешественник едет
на мягкой волне.

Качается перина,
удобная перина.
Но вот загородила
дорогу ей плотина.
О камень разбивается
упругая волна,
боками упирается
в два берега стена.
А в той стене,
а в той стене
машины – быстры,
волна ударит по волне –
сверкают искры.
А в той стене,
а в той стене
э-
лек-
тро-

станция,
и ток,
рождённый в глубине,
к заводам тянется.
По проводам,
по проводам
всё дальше,
выше,
пошла вода,
пошла вода!
Огнями стать спешит вода
под каждой крышей.
Вошёл в дома электроток,
гудит в машинах…

Заплакал горько омулёк
перед плотиной.
Не переплыть,
не обойти
преграды странной.

Как тут нерпёнку принести
глоточек океана?
Глоточек солёной,
глоточек зелёной,
глоточек студёной
целебной воды?

Просыпаются рано
подъемные краны,
достают они солнце
из речного тумана.
Солнце в небе повесят –
сияй во всю мочь!
И глядят великаны:
кому бы помочь?

Над плотиной стоит
добряк великан.
– Кто там плачет с утра? –
удивляется кран.
– Отвечайте скорей,
а иначе
мы и сами
от горя
заплачем…

Он взял омулька на ладошку,
сказал:
– Не робей, омулёшка!
Беду мы немедля поправим,
тебя к океану отправим.
Я знаю:

в реке ты,
как рыба в воде,
но надо спешить,
раз товарищ в беде.
Ты год будешь плыть
по Сибири по всей –
длинна Ангара
и велик Енисей,
покуда лекарство прибудет –
нерпёнка на свете не будет.
Нет, ты не по рекам,
а лучше
помчишься
на туче летучей.
Он тучу-летучу
к плотине привёл,
моторы на туче-летуче завёл.
– А ну-ка, без шума и лени
лети-ка ты, туча, к тюленям!
А ты, омулишка, везучий.
Счастливого плаванья в туче!

А нерпёнку всё хуже и хуже,
вся родня только плачет и тужит,
сам премудрый таймень
затянул свой ремень,
двести тысяч лекарств
он испробовал в день:
аспирин,
глицерин,
панадол,
кофеин,
валерьянку,
касторку
и
пе-ни-цил-лин!
Но пилюли и разные капли
не спасают больного ни капли.

Он белый-пребелый лежит, как зима,
он тихий-претихий лежит, как зима,
как будто бы маленький белый сугроб
на летней воде позабыла зима.

Вдруг туча
в Байкал уронила звезду.
А это из тучи-летучи
смельчак омулёк
соскочил на ходу –
в чешуйки ударился лучик.
И белая фляга
из чистого льда
в глубины Байкала нырнула.
В той фляге – вода,
живая вода,

полна океанского гула.
Полярные ветры,
полярные льды,
сиянья полярного полосы –
всё спрятано
в этом глоточке воды,
добытой у самого полюса.
В глоточке солёной,
в глоточке зелёной,
в глоточке студеной
целебной воды.

– Ты знаешь, кто такой приятель?
– Это человек, с которым ты хорошо знаком, с которым играешь в футбол или в тайгу по грибы ходишь.
– А кто такой товарищ?
– Это самый лучший приятель.
– А кто такой друг?
– Это самый лучший товарищ. Если надо – он всё для тебя сделает: выручить в беде, поделится самым последним, сделает так, чтобы тебе было хорошо. А если придется – даже принесёт в ледяной фляге глоточек океана.
– Да, больше мне рассказать нечего. Теперь ты знаешь всё.
– Я даже знаю, какое слово ты сейчас напишешь…
– Какое же?

КОНЕЦ